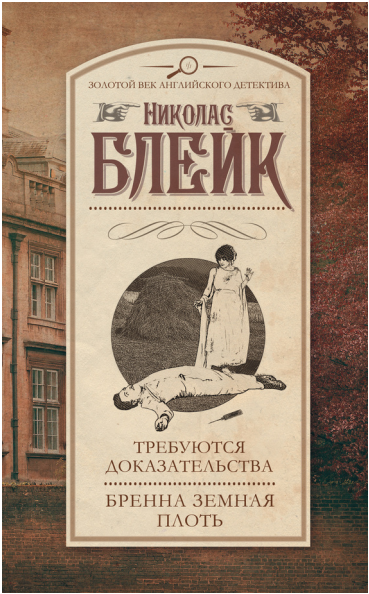

Николас Блейк
Требуются доказательства.
Бренна земная плоть (сборник)
Серия «Золотой век английского детектива»
Серия «Найджел Стрэнджвейс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17037087
Блейк, Николас. Требуются доказательства. Бренна земная плоть : [сборник] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089539-7

Аннотация

Во время школьных соревнований в стогу сена находят труп одного из учеников... Молодой учитель Майкл Эванс, оказавшийся под подозрением, просит своего друга Найджела Стрейнджуэйса взяться за это дело. И Найджел, опросив всех учеников и преподавателей колледжа, понимает: многие из них что-то скрывают...

Известный летчик Фергюс О'Брайан умирает на устроенном им же рождественском ужине. Первая версия полиции – самоубийство. Но верна ли она? Почти каждый из приглашенных мог иметь злой умысел. Кто-то мечтал заполучить деньги О'Брайана, а кто-то затаил на него смертельную обиду... Какие секреты были у знаменитого аса? Ответ на этот вопрос ищет Найджел Стрейнджуэйс...

Содержание

Требуется доказательства	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Николас Блейк

Требуются доказательства.

Бренна земная плоть (сборник)

Nicholas Blake

A QUESTION OF PROOF

THOU SHELL OF DEATH

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Peters, Fraser & Dunlop и The Van Lear Agency LLC.

© Nicholas Blake, 1935, 1936

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Требуется доказательство

Посвящается Маргарет

Глава 1 Входите по одному

Место действия – комната в общежитии подготовительной школы для мальчиков Сэдли-Холл. Не из тех хорошо проветриваемых, свежеевыкрашенных и чистеньких помещений, что так радуют нынешних заикливых на науку родителей, а из тех, что своей редкой теснотой и сыростью напоминают скорее купе скорого поезда, в каких, по общему мнению, ездят члены советов Кембриджа и Оксфорда, школьные учителя и домашняя прислуга. Время – 12 июня 193... года, семь сорок пять утра. Снаружи доносится невнятный гул – это восемьдесят школьников просыпаются и готовятся к ежедневным занятиям; время от времени гул прерывается сердитыми окриками дежурного преподавателя. Музыкальное сопровождение представлено хоровым пением черного дрозда, дрозда обыкновенного и воробья, визгом газонокосилки, наносящей последние штрихи на Большое поле ввиду намеченных на сегодня празднеств, а также отрывками из «Элегии Патрику Сарсфилду»¹ в исполнении первого из наших действующих лиц, Майкла Эванса, обращающегося к своему отражению в зеркале. Нижняя часть его лица – не слишком выдающийся подбородок и мягкая линия губ – покрыта пеной для бритья; однако брови и тонко вырезанные ноздри, необычной формы темно-голубые глаза, темные волосы, растрепанные, но, по его мнению, производящие некоторый эффект, – все это Майкл разглядывает с обычным скрытым удовлетворением и некоторым удивлением. «Ну что ж, могло быть гораздо хуже, – мысленно обращается он к персонажу в зеркале. – Верно, ты не Рамон Наварро². Но с другой стороны, и не мышка вроде бедняги Симса или потрепанный Адонис наподобие Гэтсби. Есть стиль и никаких излишеств. В общем, внешность на четверку с плюсом... Но далеко от дома в сырой ты лежишь земле... Черт, проклятое лезвие!.. Зачем, зачем ушел ты, Патрик Сарсфилд?..» Он стряхнул с подбородка оставшиеся клочья пены и вновь заговорил сам с собой: «Сегодня День спорта, надо надеть старый ученический галстук. Не пожалеем усилий, чтобы порадовать родителей: бывшие школьные денечки, альма-матер. Фу, ну и расцветка. Какому безумцу пришло в голову такое сочетание: красное, зеленое и оранжевое? Хорошо хоть краски выцвели. А ведь считается, что эта невероятно длинная полоска шелка – знак респектабельности, пропуск в большое сердце британского среднего класса... Ну почему, почему так бывает: подростки такие славные, веселые, естественные, даже честные и умные, а их родители – да спасет нас Всевышний – такие противные, занудливые, грубые и тупые? Полагаю, дело тут в пагубном воздействии учителей. Н-да, пожалуй, все же не четверка с плюсом, а просто четверка. «Нет, я не Гамлет, не Гамлетом рожден». Да, кстати, чтобы не забыть – надо одолжить пару бутфорских мечей для сцены дуэли с Пятым... Ну а Геро все как будто по душе. Как же она очаровательна и мила... Фигурой тугая тетива... и чем все это закончится? Завтра она уезжает, и до следующего семестра мы не увидимся. Три месяца, три богом проклятых месяца».

¹ Стихотворение ирландского поэта Джеймса Кларенса Мэнгана. Главный герой – вождь ирландского повстанческого движения конца XVII века, погибший в сражении при Лейдене (1693). – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Американский актер, звезда «немого» кинематографа (1899–1968).

Из этого потока сознания внимательный читатель заключит, что Майкл Эванс чувствителен к цвету; что ему свойственно столь распространенное среди школьных учителей неуважение к родителям в целом; что он хороший учитель; что он обладает некоторым чувством юмора; что он – английский учитель, и при этом учитель продвинутый; и наконец, что он влюблен. К несчастью для Майкла, почти так же высоко ценившего в фактах пристойность, как в идеях – динамитную силу, влюблен он был в жену директора школы. И хотя она отвечала на его любовь со всей самозабвенностью и легкостью своей восторженной натуры, он не мог не чувствовать некой неловкости в роли главного действующего лица сюжета, который давно навяз в зубах под пером современных прозаиков и драматургов. Тем более что роман их продолжается уже два месяца, с того памятного и захватывающего дух момента, когда они оказались наедине, а затем неожиданно в объятиях друг друга, где бы вы думали – в пустой аудитории. И ситуация становится для обоих все более и более неловкой. Одну отвращает неизбежная близость с мужем, за которого она вышла – как Геро сама себя уверяла – в очередном приступе рассеянности. Другому, удивленному поначалу тем, что он не испытывает ничего похожего на традиционное чувство вины, но один лишь естественный восторг любви, начинают все больше и больше досажать неизбежные в таких делах уловки. Беспокоит его также – хотя и восхищает одновременно – беззаботность Геро; кажется, она даже не думает, что их тайна может быть раскрыта, да и возможные последствия такого разоблачения ее не волнуют. Для Майкла-то оно наверняка обернется катастрофой. Другой работы ему не найти, а иных средств к существованию у него нет. И даже если Персиваль Вэйл согласится на развод – что представляется весьма маловероятным, – Майклу от того не легче. Ибо родителей, пусть даже иные из них сами могут быть хорошо знакомы с бракоразводными процессами, отвращает сама мысль, что чад их обучают соответчики в подобных делах.

С Майклом и Геро мы сегодня днем еще увидимся, причем в обстоятельствах, оказавшихся куда более компрометирующими, нежели они могли предполагать. Поэтому пока оставим их ненадолго, чтобы бросить взгляд на кое-кого из иных главных действующих лиц, заметив лишь под конец, что зеркало Майкла не треснуло, имеющийся у него бюст Данте не разбился, с безоблачного неба не посыпался град, короче говоря, не явилось никаких классических предзнаменований тех ужасных событий, которые вскоре обрушатся на его голову.

Суини, вечно недовольный и расстроенный чем-то дежурный, звонит, сзывая учеников к завтраку, в дребезжащий колокольчик, не подозревая, при каких обстоятельствах ему придется звонить в тот же колокольчик завтра. Шум наверху прекращается. Несколько подзадержавшихся в угрюмом молчании мрачно натягивают на себя верхнюю одежду, в то время как остальные ровной шеренгой спускаются вниз, ибо всем известно, что досточтимый Персиваль Вэйл является большим поклонником внешних проявлений дисциплины. По голому полу четко звучит стук каблуков, а чей-то умоляющий голос взывает к нарушителю, ломающему строй: «Ради всего святого, Симмерс, держи шаг, я не хочу лишиться завтрака». Это учитель физкультуры Эдвард Гриффин. И поскольку, подобно большинству учителей физкультуры, человек этот поистине славный, надо приглядеться к нему поближе. Ему тридцать лет, он высок и плотен, ходит, слегка раскачиваясь, все выдает в нем человека добродушного, энергичного и пытливого. Это старый оксфордский регбист, склонный по несдержанности нрава то и дело взрываться по поводу всяких штучек, отпускаемых нападающими иных валлийских клубов, с которыми ему приходилось встречаться в юности. В число его достоинств входит также талант флейтиста и подлинный гений импровизатора при игре в шарады. Майкл, ближайший друг Эдварда, заразил его интересом к разного рода патологическим отклонениям, и приобретенные в этой области познания он нередко испытывает на тех из своих коллег, что вызывают у него наименьшую симпатию.

Оставим теперь ненадолго рядовой состав поглощать завтрак и переместимся в частные покои, где досточтимый Персиваль Вэйл вкушает свой в одиночестве, ибо жена заявила, что в предвидении родительского нашествия ей надо подольше поспать. Ему пятьдесят лет, губы тонкие, розовощек, четкая дикция, ясное осознание своего положения в центре упорядоченной маленькой вселенной и полная непримиримость к малейшим сбоям внутри ее. Между собой ученики называют его Педантом Перси, а в пределах его слышимости – просто Перси, ибо давно усвоили, что он не чужд проявлений некоторой лести и получает явное удовольствие от прозвища, если оно употребляется в более уважительной форме. Это отличный педагог классической школы, способный администратор традиционной выучки и – в той же традиции – вполне пристойная, хотя и довольно несимпатичная личность. И в общем-то вызывает сожаление то, что с ним и его микрокосмом скоро произойдут такие неприятности. Но пока даже тень приближающихся событий не падает на его гладкое чело и направленную в рот ложку. Он раздумывает, кого бы из родителей можно заставить раскошелиться на новую спортивную площадку, есть ли у Анструтера шанс взять верх над Винчестером и в каких словах ему следует выразить неудовольствие Симсом за нарушения дисциплины на уроках французского.

Теперь можно вернуться в общий зал и попробовать уловить отрывки одного-двух разговоров, каковые могут иметь, а могут и не иметь отношения к надвигающимся событиям. Во главе центрального стола сидит Тивертон, старший помощник директора школы; у него неприятный рот, но живые глаза и добродушное выражение лица; каким-то образом он завоевал в учительской репутацию циника – быть может, благодаря мальчишескому пристрастию к острому словцу, которое всегда готов отпустить. По левую и правую руку от него расположились соответственно Гэтсби и Симс, уже фигурировавшие во внутреннем монологе Майкла. Симс – из тех ничем не примечательных персонажей, что тяготеют к образованию так же неудержимо, как ил опускается на дно реки, только расшевелить их гораздо труднее. У него тонкая полоска усов и лошадиные зубы, летние каникулы он проводит на континенте, якобы для того, чтобы усовершенствоваться в языках, хотя, по утверждению Гриффина, цели у него иные, куда более сомнительные. Гэтсби – местный зануда, когда-то он, наверное, был хорош собой, но сейчас, отчасти из-за пристрастия к спиртному, отчасти из-за умственной лени, быстро превращается в развалину. Когда-то он служил в пехотных частях во Франции и сейчас не прочь переиграть былые сражения. Как говорит Тивертон, «он сослужил своей стране кое-какую службу и хочет во что бы то ни стало убедиться, что она об этом не забыла». Неподалеку от этих троих устроились Эванс и Гриффин, а на противоположной стороне стола Сирил Рэнч, явно чем-то недовольный, читает «Дейли хералд». Эстет по манерам, но неисправимый буржуа по природе, в школе он появился недавно, окончив один из второстепенных колледжей Оксфорда.

– Жуткое дело, это убийство в Стэйвли, – громогласно проговорил Гэтсби, шелестя страницами «Дейли экспресс». – Вижу, суд над этим малым идет к концу. Не устаю повторять, – Майкл сильно надавил под столом Гриффину на ногу, – не устаю повторять: «Тивертон, ты даже представить себе не можешь, на что способны мужчины, когда в деле замешана женщина».

Услышав эту очередную банальность, за коими они были неустанными охотниками, составляя целую коллекцию оных, Гриффин и Эванс дружно и радостно вздохнули. Гэтсби тем временем продолжал, безжалостно терзая присутствующих:

– Возьмите хоть этого типа, как его там, Джонса. Банковский служащий, женатый человек, образцовый семьянин; и вот он вдруг западает на какую-то официантку из бара; покупает в ближайшей аптеке мышьяк; подмешивает его в стакан жене. Что меня поражает, Гриффин, так это железные нервы таких ребят. Помню, в моем взводе...

– Да-да, – поспешно оборвал Гриффин этот словесный поток, – когда мы обнаружим тебя лежащим в луже крови, первым делом поищем у Симса какой-нибудь тупой инструмент. Что-то у нашего Симса опасный блеск в глазах.

Гэтсби громко захохотал, что вызвало кислое замечание со стороны той части стола, где вместе с учителями сидели старшие ученики:

– Старина Гэтти опять язык распустил.

Что касается Симса, то он слегка хрюкнул, довольный, кажется, прозвучавшим предложением:

– Да ну тебя, Гриффин, как это... с чего это мне, собственно, убивать Гэтсби? К слову, у него даже жены нет.

– Я бы не был столь категоричен, – вставил Тивертон и поморщился при еще более громком гоготе, который вызвало у Гэтсби это замечание.

– А вот я бы не стал искать женщину, – включился в обмен репликами Эванс. – Если бы искать убийцу поручили мне, я остановился бы на каком-нибудь эгоцентрике. Мой кандидат – Рэнч.

Потенциальный убийца бросил на него злобный взгляд поверх газетной полосы.

– Иное дело, – продолжал Эванс, поворачиваясь к Тивертону, – что я не вижу, кто бы из нас годился на роль жертвы. Это ведь только в рассказах школьников преподаватели устраивают дуэль на зонтиках и постоянно высасывают друг у друга кровь.

– Ты совершенно прав, Эванс, – согласился Гэтсби, – бред сумасшедшего. А так-то ведь все мы, старина, добрые приятели, верно?

– Да, одна большая счастливая семья, как говорит Перси, – неприязненно буркнул Тивертон.

– Ладно, ребята, – возгласил Гриффин, – если уж здесь суждено произойти убийству, то совершу его я, а жертвой будет эта бородавка на теле человечества – юный Вимис. Думает, что если он племянник Перси, так ему позволено всем в этой чертовой дыре командовать. Скользкий тип, хитрован, всегда в стороне остается, но стоит затеяться какой-нибудь буче, за ней непременно он и стоит...

– Ну да, вроде как наполеончик международного преступного мира, каких описывает Джон Бушан³.

– Наполеоны международной клоаки, – сердито пробурчал Гриффин. – Право, я как-нибудь шею ему сверну. Знаете, что он вытворил...

Тут мы можем спокойно покинуть Гриффина, предоставив ему перечислять преступления, совершенные этим мальчишкой Вимисом, и переключиться на другую частоту, где выступают ученики старших классов.

– Какой сегодня первый забег?

– На четыреста сорок, балбес ты эдакий. Там все же на доске объявлений написано. Впрочем, забыл, ты же читать не умеешь.

– Очень смешно. Слушай, Стивенс, я слышал, Гриффин сказал, будто ты можешь побить рекорд...

– Полная чушь. Как бы не так; к тому же все равно старина Симми, скорее всего, секундомер подкрутит, как в прошлом году.

– Кстати, о Симми, слышал, что Вимис отколол вчера на французском?

– Старье! Чего-нибудь посвежее рассказать не можешь?

– Нет, серьезно, пора этого гаденыша Вимиса к ногтю прижать. Любимец Педанта Перси вконец обнаглел. Пытался вчера вечером подкупить Паттерсона, чтобы тот заделал Смизерса в сенном сражении.

³ Английский политик, дипломат и автор приключенческой прозы (1875–1940).

– Ну и что, собираешься доложить Перси?

– Как бы не так! Я вообще терпеть не могу ябедничества: старост выбирают не для того, чтобы распространять сплетни. – Это последнее заявление представляло собой удивительно точную реконструкцию нравоучительных высказываний досточтимого Вэйла.

Староста школы, серьезный, опрятный подросток тринадцати лет, выносит суждение:

– Нет, обращаться к Перси нет смысла. Но мы можем сами устроить суд...

– Я – прокурор!

– А я палач!

– Заткнитесь! Я не шучу. Как он ведет себя со стариной Симми, это уж чересчур. С тех самых пор, как он у нас появился...

– Матушка Стивенс кудахчет над своим цыпленком Симми!

– Кончай! Мне жаль Симми. Да, он прирожденная задница, но все равно Вимис слишком много себе позволяет.

– Слушай, Стивенс, а что, если натравить на него твоего брата вместе с его шарайгой? Ведь Вимис не из «Черного Пятна», верно?

– По-моему, нет; правда, они столько таинственности вокруг себя напустили. Идея, конечно, сумасшедшая. Но на перемене я поговорю с братом.

– Тайное общество задает трепку племяннику директора.

– Использовать наемников... я бы даже сказал бандюганов – вряд ли это... э-э... пристало старосте школы или английскому джентльмену, и так далее, и так далее.

Перейдем теперь от старейшин с их рассуждениями к другому столу. Коротконогий толстячок лет одиннадцати или около того со злобным выражением лица и явными признаками наличия слишком большого количества карманных денег жадно поглощает кашу и одновременно донимает соседа. Это и есть пресловутый Вимис, или, точнее, досточтимый Элджернон Вайверн-Вимис. Сосед же – тоже толстяк с мрачным взглядом и безнадежно замедленной речью и движениями; родители его – фермеры, а в школу эту он попал как жертва их стремления поднять свой социальный статус. Одного или двоих в таком роде, буквально рожденных, чтобы попасть на крючок, найдешь в большинстве школ; их родителей, любил повторять Майкл, следовало бы предать суду за такое обращение с детьми.

– Ну что, Смизерс, как там ваша живность?

– Как смешно!

– Откармливаете – и на убой?

Эту фразу Смизерс несколько семестров назад сам неосторожно бросил во время очередной стычки, и теперь соученики неизменно оборачивали ее против него.

– Ты достаточно откормлен, так что можно и на бойню, верно, парни? – Грохот аплодисментов.

– Все шутишь?

– Твой отец носит легинсы?

– Может, заткнешься наконец?

– Если он похож на тебя, пари держу, коровы бодаются, когда он их доит.

Терпение Смизерса лопается, и он вlepяет своему мучителю пощечину. Досточтимый Вайверн-Вимис закатывается театральным криком. Со всех сторон звучат возгласы: «Откормить – и на убой», «Пошевеливайся, первоклассный окорок» и так далее. Тивертон устало поднимается с места, дабы положить конец этой демонстрации первородного греха.

Еще один разговор, и наш пролог будет закончен. Стивенс-младший, диктатор (титул позаимствован из уроков истории, которые дает Эванс) общества «Черное Пятно», наклоняется к своему адъютанту, круглолицему, улыбчивому малышу Понсонби, и шепчет: «Сегодня; сразу после обеда; в домике Маулди; узкий круг; пароль: «сундук мертвеца», отзыв: «бутылка рому».

- Ты что, дурак? – шипит в ответ адъютант. – У нас же в это время общее собрание.
- Ничего, смоемся, там ведь поименно не проверяют. А это вопрос жизни и смерти.

Двумя часами позже. У Майкла перерыв в занятиях. Он набивает трубку и идет по длинному коридору, разделяющему аудитории и ведущему к спортивным площадкам. С обеих сторон доносятся звуки, свидетельствующие, что идет учебный процесс. Звуки странно диссонируют: скрипучий, уверенный речитатив учителя перемежается дискантом или хоровым исполнением. В аудитории, где ведет урок Симс, колоратурное сопрано накладывается на нечто напоминающее шабаш ведьм. Майкл пожимает плечами и продолжает путь. Слева слышится раздраженный голос Тивертон, справа, в младшем классе, – невнятная, сбивчивая речь Рэнча. Впрочем, учитель он хороший, у него настоящий дар. Надо быть добрее к нему, думает Майкл. Но до чего противные голоса! Просто ужас какой-то... И мой наверняка не менее отвратителен, и я явно лыщу себе, полагая, что обращаюсь к ученикам своим естественным тоном. И все же не может быть, чтобы я так же нудно тянул слова, как Перси. Нет, не люблю я этого человека, определенно не люблю. И как это моя чудная Геро умудрилась выскочить за такого типа?

Он вышел на воздух, раскурил трубку и побрел по асфальтовой дорожке, отделяющей Большое поле от сеного. Маулди, охранник, разлиновывал беговые дорожки. Большие круглые стога сена, пустотелые посредине, напомнили ему о вчерашнем сенном сражении. Занятная игра. Завтра их раскидают и сено увезут. Майкл дошел до конца дорожки, где поля ограничивались кустарником, и повернул назад. Обогнув учебные корпуса и дом, где жил директор, он вышел к высокой кирпичной стене, огораживающей частный сад. В дальнем его конце, где густые заросли почти вплотную примыкали к внешней ограде, скрывался почтовый ящик Геро. Очень на нее похоже, не в первый уж раз подумал он: странное сочетание бесшабашной и безоглядной игры со столь романтическим способом общения. Майкл быстро, украдкой (при этом пришедшем ему в голову слове он недовольно поморщился) огляделся и с бьющимся сердцем вынул легко поддавшийся кирпич, переложил из образовавшегося отверстия в карман сложенный лист бумаги, вернул кирпич на место. Затем зашагал назад, к Большому полю, присел на трибуну и прочитал ее записку.

«Дорогой, завтра, в обеденный перерыв, буду ждать тебя в V-образном стогу. Очень легкомысленно с моей стороны, правда? Но, пожалуйста, приходи. Мне надо тебя видеть. Я должна тебя видеть. Г.»

Майкл, довольный тем, как легко ему дышится, не двигался с места до тех самых пор, пока не прозвонил звонок на перемену. Он поднялся и пошел в общий зал. Неужели на его лице все написано, неужели видно, что он парит в воздухе от счастья? Вон и Тивертон, как-то странно он на него поглядывает. Майкл попытался сосредоточиться и придать себе деловой вид. Кажется, безуспешно.

– Чем занимался? – спросил Тивертон.

– Да ничем, у меня перерыв.

Подошел Гриффин.

– Посмотришь, чтобы ребята переоделись после обеда? Мне надо бросить последний взгляд, а то как бы Маулди не перепутал чего. Да, и еще Симс просил узнать, будет у тебя нынче секундомер?

– Конечно, если только он не хочет, чтобы...

– А ты уверен, что это Симс?

– Да. Ну и славно, тогда все в порядке. А то я в прошлом году прилично облажался. Так, понимаешь, увлекся, что забыл кнопку нажать.

– В порядке-то в порядке, только как бы я и сам в чем-нибудь не промахнулся.

– Только, ради бога, не во время забега на четыреста сорок ярдов, – взмолился Гриффин, – а то я веду Стивенса на рекорд. Три против одного – есть желающие? Нет? Неужели все такие неазартные? Ладно, пусть будет два против одного.

– Заметано, – кивнул Рэнч.

На этой аморальной ноте первую главу нашего повествования вполне можно закончить.

Глава 2

Лирическое и элегическое

Ранним утром, ранним утром
На зеленом поле счастья...

Эти строчки весело звенели в голове у Майкла, когда он быстрыми шагами выходил из учебного корпуса, глядя, как все благополучно садятся за обед, и придумывая на ходу отговорки, почему он сам пропускает трапезу. Окна кухни на поле не выходят. Разумеется, в глубине здания может встретиться кто-нибудь из obsługi. Что ж, если нас увидят, стало быть, увидят. Пускай. Все равно пришло время открыть карты. Возможность разоблачения согревала Майкла изнутри, как рюмка коньяка. Он был прирожденным фаталистом – человеком, который, не проявляя, как правило, личной инициативы, с готовностью совершает то, что навязывают ему обстоятельства. Он бегло посмотрел на ровные ряды окон и быстро шагнул в проем стога сена.

Геро уже была там, в зеленом платье, с пакетом бутербродов в руках. Она была свежа – и вытянулась в струнку, как зеленый стебель кукурузы. Майкл привлек ее к себе и поцеловал, чувствуя, что ноздри ему щекочет запах сена. В их маленькое святилище залетел легкий порыв ветра и разметал по его щеке прядь шелковистых волос Геро.

– Милая, ты, право, совсем обезумела. В следующий раз ты назначишь мне свидание у Перси под рабочим столом.

– А ты против?

– Я люблю тебя, дорогая.

– Наверное, тебе стоит немного повременить с поцелуями. Мне есть хочется. Кстати, для тебя здесь тоже найдутся сандвичи.

– Да нет, «я запахом росы уж сыт».

– Ты бесподобен, милый. Кто бы еще так сказал?

– Оставим это на секунду, лучше скажи, как тебе удалось отпроситься у начальства на этот пикник?

– Я сказала Перси, что хочу перекусить на солнце. Он успел привыкнуть к моим капризам.

– Знаешь, мне что-то не нравится, как мы говорим о нем, словно он – твоя тетушка, или домашняя собачонка, или что еще.

– Да, наверное, ты прав, так не годится. Верно, я никогда его не любила, но с тех пор, как полюбила тебя, стала к нему гораздо добрее. Понимаю, звучит нехорошо, но это так.

– Ну да, как женщина, берущая максимум из того и из другого. – Майкл бросил эту реплику небрежно, но сам почувствовал за ней некую потаенную неприязнь или, возможно, ревность. От нее это тоже не ускользнуло.

– Ты слишком жесток, милый.

Он порывисто прижал к себе ее голову.

– Ты права. Извини, красавица моя. Но почему, почему ты вышла за него?

– Из страха, из чистого страха. Ты и представить себе не можешь, Майкл, как временами слабой женщине хочется покоя, уверенности, ощущения твердой почвы под ногами.

– И вот она снова заколебалась.

– Да, но теперь все изменилось. У меня есть ты, и от этого я чувствую себя сильнее и увереннее. Не думаю, что опять стану трусихой, если ты, конечно, меня не разлюбишь.

– Да ты гораздо храбрее меня, Геро.

– Ну, не знаю. Это ведь становится понятно, только когда до крайности дело дойдет. Вот я иногда и думаю: пусть бы прижало так, чтобы разрубить наш с тобой гордиев узел.

Майкл стряхнул прилипшую к ее рукаву соломинку и осторожно спросил:

– Так как все же насчет развода? Как ты думаешь, Перси?..

– Дорогой, мы же с тобой уже говорили об этом. Не уверена, но думаю, что он воспротивится. И к тому же я совершенно не хочу губить твою карьеру.

– Карьеру! – горько усмехнулся Майкл. – Помощник учителя в подготовительной школе. Видит Бог! Да неужели ж ты не понимаешь, что будь я премьер-министром, поэтом-лауреатом, адмиралом флота или редактором «Таймс», все равно предпочел бы, чтобы моя карьера была загублена, лишь бы жить с тобой. Беда в том, что у меня нет денег, какие уж тут «покой и уверенность».

У Геро выступили на глазах слезы.

– Да ты совсем не так поняла меня, родная. Я вовсе не то хотел сказать. Просто вся эта история совершенно меня доконала. Но ведь скажи, ты тоже хотела, чтобы мы были больше чем любовниками, поженились, я прав?

– Да.

– Ну так давай все ему и скажем. Пожалуйста. В конце концов, я не дурачок, хоть какую-нибудь работу да найду. Могу даже опуститься до того, чтобы начать писать романы.

– Будем надеяться, милый, что до этого не дойдет. Потерпи немного. Завтра я на два месяца уезжаю, давно матери обещала. Тогда-то все сама и обдумаю. А то когда ты рядом, я вообще не способна думать. А в августе напишу и...

– Я люблю тебя, Геро. Ладно, решай все сама. А пока не будем больше тратить времени на разговоры, а то обед скоро кончится.

Они повернулись друг к другу и слились в долгом поцелуе. Геро ушла первой. Через некоторое время за ней последовал, наедине со своими бедами и радостью, Майкл.

Четверть третьего пополудни. Мистер и миссис Вэйл стоят у дальних ворот, приветствуя первых прибывающих родителей. Майкл Эванс, эсквайр, бакалавр наук, только что завершил проверку ученической формы; одного отправил к кастелянше за новыми брюками, другому нашел потерявшийся чулок, третьему велел не выходить на улицу без головного убора, четвертому не носить в кармане большое гусиное яйцо. Помимо того, он звенящим тоном ответил «нет» как минимум на четырнадцать одновременно либо последовательно прозвучавших вопросов: «Фуфайки надевать, сэр?» Все это происходило на фоне неумолчного гула голосов, напоминающего гигантское птичье гнездовье, ибо дисциплина в наши дни ослабла, а правило вести себя тихо было и вовсе предано забвению. По правде говоря, Майкл обращал на весь этот шум не больше внимания, чем горожанин на звуки уличного движения. Учитель подготовительной школы очень быстро овладевает приемами, позволяющими забираться в некое подобие звуконепроницаемой раковины, иначе он либо спивается, либо сходит с ума.

Аккуратно одетые в свежие белые шорты, светло-голубые блейзеры и чулки, мальчики ровным ручейком вытекают на поле. Те, что ожидают родителей, сбиваются в стайку и с напряженным видом движутся к дальним воротам. Стоит кому-то заметить мать или отца, шаг чуть ускоряется, но тут же вновь обретает степенность. И лишь самые младшие переходят на бег. Майкл видит, что к нему идет Гриффин. В руках у него тетрадка и большой пистолет. Он одет в двубортный серый костюм и выглядит необыкновенно грозно.

– В кого это ты решил пострелять?

– Можешь себе представить, этот тупица Маулди перестарался с барьерами...

– Еще как могу. Смотри-ка, вон Гэтсби идет, давай смоемся.

Но Гэтсби, окутанный густыми парами виски, успевает перехватить их и затевает какой-то нудный разговор, продолжению которого кладет конец лишь появление Перси. Директор требует у Гриффина доклада о финишных ленточках.

Майкл поспешно удаляется в сторону, где хладнокровно озирает происходящее щегольски одетый Тивертон.

– Смотрю, вырвался все-таки.

– Право, этот тип заставляет меня стыдиться своей профессии, – выдохнул Майкл.

– Учителя подготовительной школы, – сентенциозно изрек Тивертон, – делятся на две категории: те, которым на все наплевать, и те, которые против всего восстают. Мы с Гэтсби принадлежим к первой, вы с Рэнчем – ко второй.

– На этой станции поезд больше не останавливается, – огрызнулся Майкл. – Чего это Симс так вырядился? – не дождавшись ответа, продолжал он. И ткнул пальцем туда, где Симс, одетый в подозрительно мятый бежевый костюм средневекового ремесленника, разговаривал с кем-то из родителей.

– Сколько я помню, он всегда так одевается в День спорта. Это его персональный вклад во всеобщее веселье.

Майкл вытянул шею, глядя поверх голов и пытаясь отыскать Геро. Вон она, в окружении взволнованных дам и почтительно наклоняющихся к ней господ. Майкла охватил приступ безотчетной ярости. Ненавистно было ему видеть Геро так свободно чувствующей себя в чуждом ему мире, так отдаленной от него, оживленной, так легко поддерживающей общий разговор! От одного только вида этой размалеванной, распушившей перья, самодовольной, болтливой публики его тошнило. А ведь именно ради этих павлинов трудятся в поте лица своего, а то и просто голодают миллионы неимущих. «Цвет цивилизации» – они даже выглядят жалко. Женщины напудрены, как манекены, а мужчины похожи на заблудших овец.

– Тебе не кажется, что английская буржуазия приобретает какой-то загнанный вид?

– Если тебе хочется поговорить о политике, поищи молодого Рэнча, – хмыкнул Тивертон.

– Да нет уж, воздержусь, пожалуй. А где он, кстати?

– Понятия не имею. С утра не видел. Полагаю, зарылся в иллюстрированное издание «Мадемуазель де Мопен».

– Право, Тивертон, какое-то грязное у тебя воображение. Ага, Суини собирается звонить в колокольчик. Пойду к финишу, я нынче секундометрист.

Забег на 440 ярдов проходил по круговой дорожке, старт и финиш – напротив трибуны, где собралось большинство зрителей. Подростки выкрикивают имена фаворитов: «Стивенс, задай им!», «Анструтер, вперед!», «Уилкинсон! Уилкинсон!». Лопухий паренек в очках, с голосом отнюдь не *sotto voce*⁴, берет на себя роль комментатора, наладившего беспроводную связь с группой своих восторженных товарищей:

– Мы ведем наш репортаж со стадиона школы Сэдли-Холл. С минуты на минуту начнется забег на четыреста сорок ярдов. Участники снимают блейзеры и выстраиваются у стартовой черты. Да, но где Стивенс? Не вижу Стивенса. Ага, вот он. У него крайняя стартовая позиция. Фаворит занимает место с краю. Судья – мистер Гриффин, у него в руках стартовый пистолет. Мистер Гриффин, прославленный стартер. Мистер Гриффин, не скажете ли несколько слов в микрофон? Да нет, вряд ли. Итак! Прозвучала команда «на старт!». Через мгновение вы услышите выстрел. Да, но что там происходит? Отсюда не видно (отодвинься, Байлз, клещ ты этакий, свет загораживаешь!). Стивенс садится на землю. А-а-а, понятно, шнурки развязались. Так, теперь все в порядке. На старт! Внимание! Отставить! У старины Грифа заклинило пистолет. Все по новой. На старт! Внимание! Марш!! Вы услышали, как

⁴ Мягко, вполголоса (*муз., ит.*).

прозвучал стартовый выстрел. Бегуны делают первый поворот. Впереди Анструтер. Браво, Анструтер! – Заученный голос комментатора прерывается, заглушенный его же естественным воплем: – Эй, Стивенс, нажми! Сти-и-и-венс!

Это был невероятный забег. В предстоящие Майклу страшные дни он будет вспоминать его живо и с благодарностью, как вспоминают какую-нибудь мирную сцену, например, игру в крикет на зеленой сельской лужайке, чаепитие в фермерском доме, скаковых лошадей, величественно выстроившихся в ряд на фоне горизонта, фронтовики Первой мировой – все это становится для них связующей нитью с нормальной человеческой жизнью и Англией. Наполовину зеленая, наполовину пожухшая трава; изящество бегунов – изящество гончих псов; ощущение секундомера во вспотевшей ладони; угрюмое выражение на лице Анструтера, лидировавшего в забеге до последнего поворота, и побелевшее от напряжения лицо Стивенса, предпринимающего последнее усилие и обходящего соперника за три ярда до финишной ленточки. Мелькание картинок, которые будут снова и снова возвращаться к Майклу, как к утопающему, хватающему глоток воздуха.

Майкл механически щелкнул секундомером, невольно улыбаясь и чувствуя резь в глазах. Кто-то тронул его за локоть. Он опустил взгляд и увидел Симса. Тот дрожал от возбуждения, глаза, обычно пустые, на сей раз сверкали за стеклами очков. «Ничего себе, – говорит Симс, – ну и забег! Слушай, рекорд-то он побил?» Только тут Майкл посмотрел на секундомер. Да! Есть новый рекорд! Лучше старого на две десятых секунды. Зрители столпились возле табло, на котором высветились цифры и надпись под ними: «Новый рекорд школы». Аплодисменты, приветственные выкрики. Героя практически не видно за ладонями, похлопывающими его по спине.

Соревнования закончены. Родители заскучали и начали расходиться, сбиваясь в отдельные группы и разговаривая о том о сем. Один видный местный житель, переминаясь с ноги на ногу за длинным рядом серебряных кубков, проводит сомнительные параллели между бегом и чувством гражданского долга, патриотизмом, христианскими ценностями и иными отвлеченными предметами. Снова звучат приветственные возгласы, снова победителей хлопают по спине. В половине пятого все заканчивается. Родители удалились – иные на чай к директору, другие – покормить детей в близлежащей деревне. Оставшиеся ученики и учителя разошлись, чтобы предаться более скромной трапезе, ничуть не подозревая, что один из них не далее чем в ста ярдах отсюда лежит какое-то время мертвым, со страшно почерневшим лицом и языком, зажатым меж оскаленными зубами.

Чай допит. Симс, Эванс, Гэтсби и Рэнч, каждый по-своему изможден, сидят в общем зале. Симс ушел проследить, как убирают спортивный инвентарь.

– Ну что ж, – бодро заговорил Гэтсби, – вот и все. Хорошо выпить чашку ароматного чая после целого дня на солнце. Вряд ли, думаю, нам предстоит увидеть в ближайшее время такой же забег, как этот на четыреста сорок... А, Эванс?

– Да, классный забег, и вообще.

– А как Стивенс догнал его на последнем повороте! – Рэнч закурил сигарету. – Сила.

– Да нет, старина, он поравнялся с ним еще на прямой, – возразил Гэтсби.

– Ну да, ну да. Но на повороте он уже убрал его, верно? Или не так? – Самым печальным образом Рэнч все никак не мог избавиться от пристрастия к давно вышедшему из оборота великосветскому сленгу.

– На старте я тебя, Рэнч, что-то не видел, – отвечал Симс. – Ты где стоял?

– Да так, переходил с места на место. – Рэнч наклонился, чтобы стряхнуть пепел от сигареты в камин. – Получал от родителей свою долю славы, и всякое такое.

Вошел Тивертон. Не успел он прикрыть за собой дверь, как из коридора донесся пронзительный вопль:

– Вимис! Вимис! – Послышались чьи-то невнятные голоса. – Где этот паразит Вимис? Мне бы надо у него немного деньжонок перехватить, так черта с два найдешь, постоянно его где-то носит. Наверное...

Дверь закрылась. Тивертон сел со словами:

– Переключка в семь, я не ошибаюсь?

– А ты что, Тивертон, дежуришь сегодня? В таком случае не завидую я тебе. У половины этих дьяволят, что ушли ужинать с родителями, наверняка начнется понос, – хмыкнул Гэтсби.

– И Тивертон будет ходить за такими с совком и ведром, – ехидно добавил Рэнч.

– Это уж как пить дать.

Но в семь вечера выяснилось, что дневные волнения не закончились. На переключке, которую Тивертон проводил в зале, один ученик отсутствовал.

– Уолтерс?

– Я, сэр!

– Уорд?

– Я, сэр!

– Вайверн-Вимис? ВАЙВЕРН-ВИМИС! Кто-нибудь что-нибудь знает про Вимиса?

Послышались негромкие голоса:

– Да это Червяк...

– Скорее всего, блюет в мусорное ведро Перси.

– Или надирается в «Петухе и перьях».

Других, более конструктивных предположений не последовало, во всяком случае, вслух их никто не высказал.

– Ушел он с родичами?

Молчание.

– Да ладно вам, – раздраженно проговорил Тивертон, – кому-то из вас он ведь наверняка сказал, уходит или остается в школе.

Невысокий паренек, сидевший в заднем ряду, поднялся, и все головы, как по команде, повернулись в его сторону.

– С в-вашего разрешения, сэр, он с-сказал мне, что н-никуда не собирается.

– Когда сказал?

– Вчера, сэр.

По залу прокатился ропот.

– Сэр, вы думаете, он сбежал?

– Если бы.

– С в-вашего разрешения, сэр, а вы не думаете, что его могли похитить?

– Прекратить болтовню! Всем оставаться на своих местах. Старосты, проследите за порядком.

Тивертон прошел на учительскую сторону здания и нашел директора в его кабинете.

– Вимис не явился на переключку.

Досточтимый Вэйл резко развернулся в сторону Тивертон.

– Не явился? Мой племянник? Это совершенно исключено.

– Он не откликнулся, когда я назвал его имя, – устало повторил Тивертон. – И никто из учеников, кажется, не знает, где он. Он не уходил из школы?

– Не уходил? Да нет как будто... впрочем, сейчас проверю.

Вэйл открыл ящик и бегло проглядел лист бумаги с перечнем имен.

– Нет. Никто его из школы не забирал. Это что-то совершенно невероятное. Разве что Уркарт увез его куда-то... но нет, в таком случае он предупредил бы меня. А вы убедились, что его нет где-нибудь на территории школы? – Вэйл явно занервничал.

– Нет. Я подумал, что, прежде чем начать поиски, надо вам доложить, – ответил Тивертон самым чинным образом.

– Н-да, правильно. Совершенно правильно. У вас есть какие-нибудь предложения?

– Может быть, для начала расспросить сестру-хозяйку? Возможно, он неважно себя почувствовал и пошел в медицинский кабинет?

Вызвали сестру-хозяйку, крупную невозмутимую даму.

– Мистер Вайверн-Вимис? Нет, ко мне он не обращался.

Директор, к которому до известной степени вернулось самообладание, велел Тивертону не выпускать учеников из зала, а сестре-хозяйке – разослать персонал по корпусам на поиски мальчика. Сам же он поспешно прошел в комнату отдыха, где собрались за ужином учителя.

– Куда-то исчез мой племянник, Вайверн-Вимис, его нигде не могут найти. Быть может, кто-нибудь из вас знает...

Но никто ничего не знал.

– Сестра-хозяйка организует поиски в здании. Полагаю, стоит осмотреть и спортивные площадки, а ну как он получил травму. Гэтсби, не могли ли бы вы организовать...

– Разумеется. Полагаю, вы намереваетесь связаться с полицией? – бестактно добавил он.

– С полицией? – Вэйл вскинул брови.

– Ну, я хотел сказать, а вдруг он сбежал?

– О господи, да с чего бы? Или вы намекаете, что у него были основания... Право, мистер Гэтсби.

Гэтсби смущенно потупился, и поиски начались. Сам он пошел на Большую площадку; Симс – на дальнюю; Эванс взял на себя сад, Гриффин и Рэнч – кустарник. На сенном поле рабочие только что начали раскидывать стога, так что там учителям делать было нечего, тем более что никому не хотелось без нужды сеять панику.

Минут десять Майкл мрачно бродил по саду, думая о Геро, кляня этот фарс, именуемый поисками, и раздвигая для проформы кусты. Когда все вновь собрались вместе, похвастаться оказалось некому. Точно так же не добились ни малейшего успеха сестра-хозяйка вместе со всем своим воинством. В этих обстоятельствах директор пришел к выводу, что бестактное предположение Гэтсби заслуживает-таки рассмотрения, и позвонил деревенскому констеблю. Ему было дано описание мальчика, и констебль заверил, что немедленно начнет поиски в деревне, а также свяжется с суперинтендантом в Стевертоне, чтобы тот направил своих людей на ближайшие остановки транспорта и автобусные маршруты. Дальнейшие расспросы учеников, учиненные Тивертоном в общем зале, выявили факт, что никто из них Вимиса сегодня не видел, из чего следует, что он действительно мог позволить себе совершенно необъяснимое своеволие и избавиться от попечения досточтимого Вэйла.

Но едва старосты собрались в учительской комнате отдыха, как с улицы послышался нервный стук каблучков, а в окне мелькнула чья-то фигура, быстро движущаяся в сторону кабинета директора. Несколько минут спустя туда был вызван Тивертон. Не успел Гэтсби разразиться потоком риторических вопросов, как Тивертон вернулся. Он был бледен и явно потрясен.

– Перси вызывает нас всех к себе. На сенном поле нашли Вимиса. Он задушен. Рабочие обнаружили тело, разбрасывая стога. В одном из стогов.

Глава 3

В добровольческом отряде

Первое ощущение Майкла было сходно с тем, что он несколько раз испытывал в детстве, когда в церкви объявляли, что «сразу по окончании службы состоится общее собрание учеников», и сразу становилось понятно, что происходит нечто весьма серьезное, и он говорил себе «слава богу, что не со мной». Вот и сейчас, как в те далекие годы, он чувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз и жалобно там трепещет. Возникло даже чувство какого-то непонятного удивления от того, что, мол, он-то не имеет ничего общего с этим несчастным, лежащим в стогу сена, облегчение от того, что не им совершено это преступление – так, как будто раньше это было не ясно. А потом включилось сознание – беспорядочно и неистово, как двигатель, в котором сломалась муфта. Ладно, по крайней мере Геро теперь никуда не уедет. Ветер подул не в ту сторону. Но зачем это понадобилось? И кому? *Кому?* Стог сена. Почему в стогу сена? А почему бы и нет? Ранним утром, ранним утром, на зеленом поле счастья. Только не утром, а вечером. Тивертон скверно выглядит. Губы дрожат, как у ребенка, который вот-вот расплачется. Интересно, где именно, в какой части поля? Вот несчастье-то; полиция, наверное, уже на месте; теперь все пойдет кувырком. Ах да, конечно, он сказал, в каком-то из стогов. Как чудесна была Геро. Ее тело – солнечный свет моей плоти. Белый стих. Хотя строчка так себе. Стог сена. Какой именно? Ну же, говори. Надеюсь, не пятый. Надеюсь. Да тебе-то какое до этого дело? Пять стогов. Четыре против одного. Только бы не тот, в котором были мы с Геро. Ладно, хватит. Возьми себя в руки. Ранним утром...

Майкл оказался в кабинете. На румяных щеках директора проступили странные голубоватые прожилки. Переводя взгляд с одного из присутствующих на другого, он то и дело нервно снимал и надевал пенсне. Учителя хранили беспокойное молчание, как люди, глядящие вслед отъезжающему поезду. Тивертон здесь не было. Майкл неловко выговорил слова соболезнования, Вэйл ответил: «Спасибо, Эванс, спасибо. Я... это ужасное событие совершенно выбило меня из колеи. Раньше ничего подобного в моей школе не случалось». Гриффин был не настолько потрясен, чтобы нагло не подмигнуть Майклу.

– Бедный, несчастный мальчик! – продолжал Вэйл, и привычная размеренность его фразеологии странно контрастировала со срывающимся, почти умоляющим тоном. – В голове не укладывается, кому могло понадобиться... э-э... кому он мог помешать. Скандал! Публичный скандал! Я попросил Тивертон объяснять детям, что с моим племянником случилось несчастье, фатальное несчастье. Вдруг удастся все же сделать так, чтобы... э-э... факты не дошли до родителей. Я позвонил доктору Мэддоксу, он вот-вот подъедет. Полиция, разумеется, тоже. Я был бы весьма признателен, Гриффин, если вы встретите доктора, когда он появится, и отведете... я чувствую, что сам на это не способен. Может быть, у кого-нибудь есть соображения относительно иных шагов, которые следовало бы предпринять незамедлительно?..

Майкл понял, что Вэйл хочет, чтобы его освободили от директорских обязанностей, и сказал:

– Быть может, мне – мне и Симсу – стоило бы проследить, чтобы никто не подходил к... месту преступления. Полагаю, полиции надо, чтобы все как можно дольше оставалось так, как было при... обнаружении тела.

– Разумеется, Эванс, разумеется. Отличное предложение.

– Прошу прощения, директор, – проявил инициативу Симс, – но не следовало ли бы нам... э-э... связаться с родственниками несчастного мальчика?

Избавленный от необходимости предпринимать что-либо, Вэйл теперь мог себе позволить пресечь любые дальнейшие покушения на свой авторитет директора.

– Дорогой мой Симс, полагаю, мне нет нужды уверять вас, что любые шаги, тем более столь очевидные, были бы предприняты мною самим, коли того требовала бы ситуация. Но дело, видите ли, в том, что именно я являюсь ближайшим из находящихся в живых родственников мальчика. Ну что ж, если у вас нет больше конструктивных предложений, быть может, присоединитесь к Эвансу и окажете ему требующуюся помощь?

Симс вспыхнул, Майкл неловко поежился. Вэйл, явно почувствовавший себя лучше после этой демонстрации силы, дал понять, что аудиенция окончена, и Симс с Эвансом вышли из кабинета. Майкл, страшась худшего, заставил себя посмотреть в сторону сеного поля. Несколько человек, вооруженных вилами, сгруппировались вокруг одного из стогов. Точно, пятый. Кто бы сомневался. Половина стога была раскидана, и последний луч заходящего солнца горестно коснулся красно-желтого нового фургона, стоявшего рядом. При виде Эванса и Симса рабочие отступили на шаг назад. С той стороны, где сено успели убрать, некрасиво съезженное, с соломинками, прилипшими к одежде, лежало тело Эджертона Вайвера-Вимиса. Вид его приятным не назовешь, способ, каким его лишили жизни, отнял у него даже это последнее утешение. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, Майкл отвернулся. Симс завороченно смотрел на тело. Десятник тяжело шагнул к Майклу и прикоснулся к шляпе.

– Жуткое, доложу вам, дело, сэр. Похоже, его убили. Билл, вон тот малый, это он зацепил что-то вилами. – «Ого, – говорит, – кто-то из парней оставил здесь одежду». Мы метнули еще пару раз, и нате вам пожалуйста, сэр. «Ничего себе, – говорит Билл, – да это же труп». Нас всех как по голове ударило, сэр. Так шархнуло...

– Ладно, так или иначе это нужно было сделать, – невпопад откликнулся Майкл. – Кстати, вы тут что-нибудь трогали?

– Ни в коем случае, сэр. Ну, Билл, он-то сказал: «Может, перенесем бедного молодого джентльмена, ему удобнее будет». А я говорю: «Билл, ты что, спятил? Ничего не трогай. Полиция не разрешает прикасаться к мертвому телу». Ну, я послал его к мистеру Вэйлу доложить, что одного из его ребят нашли на поле. Вот как все это было, сэр.

– Все правильно. А теперь, полагаю, вам лучше всего отпустить своих людей в деревню. Здесь они больше не нужны, полицейские захотят осмотреть поле, как оно есть. А вот вы с... как его... да, Биллом, может быть, задержитесь до их появления?

Десятник дал рабочим необходимые указания, и его маленькая команда распалась. Из школы быстрым шагом приближался Рэнч. Майкл бросил на него удивленный взгляд. Вернувшись потом к этому эпизоду, он по зрелом размышлении заключил, что на лице Рэнча отражалось наполовину облегчение, наполовину страх. Но в тот момент ему было не до анализа, ибо Рэнч, едва заглянув в глубину стога, отскочил на несколько шагов в сторону, и его вырвало. Майкл почувствовал, что Симс отводит его в сторону.

– Слушай, Эванс, ты понимаешь что-нибудь в таких делах? То есть это я к тому, что выглядит он так, словно мертв уже давно... ну, какое-то время.

У Майкла было такое же впечатление, хотя он и затруднился бы сказать почему. Да, действительно, Вимис выглядел очень мертвым. Наверное, Рэнч услышал слова Симса, ибо повернулся и спросил высоким, напряженным голосом:

– Ну и что? Что с этого? Ты к чему, собственно?

– Понимаешь, я только сейчас вспомнил, что нынче вечером, еще до того, как мы занялись поисками, на поле выходил Гриффин и должен был увидеть тело – если к тому времени все уже произошло. А до того были соревнования. Остается только время между обедом и двумя тридцатью – то есть если он обедал вместе со всеми. – Симс завершил сложное логическое построение взглядом победителя.

– Ну и что из всего этого следует? – бросил Рэнч.

– А то, что, как мне кажется, нас всех спросят, где мы были в это время. Алиби будут проверять, ясно? – бодро добавил Симс.

Двое его собеседников, каждый погруженный в свои мысли, довольно долго молчали. Затем Рэнч сварливо проговорил:

– Ты что, в тайной полиции служишь? Все эти страшилки насчет алиби, они, только тем вызваны, что тебя осенило, будто парень долго пролежал мертвым? Не сомневаюсь, у самого-то у тебя безупречное алиби.

– Да нет, если подумать, не такое уж и безупречное, – неуверенно ответил Симс.

– Да бросьте, не переживайте вы так, – с напускным участием сказал Майкл. – Безупречное алиби бывает только у настоящего убийцы. А мы, невинные овечки, просто не способны сострять нечто убедительное.

Так-то оно так, подумал он про себя, да только если Симс окажется прав, всем нам будет не до смеха. Он уже чувствовал, как внутренний протест против того, что тело обнаружено на месте их с Геро свидания, из чисто эстетического превращается в нечто куда более серьезное. Нелегкие раздумья были прерваны появлением Гриффина в сопровождении доктора Мэддокса. Школьный врач был пухлый, с подпрыгивающей походкой коротышка, от которого исходили добросердечие и запах лекарств. В другой ситуации Майкла позабавило бы, с каким достоинством доктор, облаченный в дорогие кожаные туфли, вышагивает по росистой стерне.

– Добрый вечер, господа, – сказал доктор, с трудом – что показалось Майклу довольно странным – удерживаясь от того, чтобы подойти к трупам на цыпочках – на носочках начищенных до блеска ботинок. – Весьма печально. Бедняга. Ну-ка, ну-ка! – Он опустился на колени, поставил перед собой черный чемоданчик и принялся за работу. Остальные отвернулись. У Майкла в голове невольно вертелся довольно жалкий и глупый каламбур к слову «обследование»; Гриффин дырявил каблуком землю, словно для первого удара по мячу; Рэнч, бросив через плечо два-три беглых взгляда, отвернулся с видимой дрожью во всем теле. «Друг на друга посмотрели, в сторону потом», – с удивлением услышал Майкл собственное бормотание.

– Ты что? – спросил Рэнч.

– Ничего.

Доктор Мэддокс выпрямился и с грустью посмотрел на промокшие колени.

– О господи, господи, – вздохнул он. – Случай чрезвычайно и... э-э... трагический, конечно. Боюсь, сомнений тут быть не может: убийство, возможно, с заранее обдуманном намерением. Сначала несчастного душили руками. Видите, следы? Затем обмотали вокруг шеи тонкий шнур. Обратите внимание на красную полосу: шнур глубоко впился в кожу.

Желающих проверить достоверность высказанных суждений не нашлось. Майкл спрашивал себя, как долго ему удастся удерживаться от вопроса, вертящегося на кончике по меньшей мере трех языков. Нарушая неловкое молчание, Симс первым бросился в воду.

– Как вы думаете, доктор, когда он умер?

Всех троих держали на крючке по крайней мере полминуты – время, понадобившееся доктору, чтобы предаться изложению медицинских подробностей.

– Говоря попросту, – заключил он, – наступило полное трупное окоченение. А это значит, что мальчик мертв более четырех часов; возможно, шесть. Конечно, если тело лежало в сене с самого начала, биологические процессы протекают, и названные мною сроки следует удлинить. Понимаете, мы ведь вообще лишь очень приблизительно можем установить время смерти. В данном случае, я бы сказал, от четырех до семи часов.

Рэнч порывисто потянулся к левому запястью, остановился на полпути, потом снова передумал и, отвернув обшлаг рубахи, посмотрел на часы.

– Без пяти восемь.

По меньшей мере в трех умах начались торопливые вычисления, но еще до того, как появилась возможность сравнить результаты, послышались голоса, и из боковой двери вышло несколько человек во главе с директором и бледнолицым мужчиной гигантского роста – суперинтендантом из Стивертон. Позади них тяжело топали сержант, констебль из Сэдли и еще двое, один – с фотоаппаратом.

– Это суперинтендант Армстронг, – представил его директор. – Суперинтендант, осмелюсь предположить, вы знакомы с доктором Мэддоксом. А эти господа – учителя моей школы: мистер Симс, мистер Эванс, мистер Гриффин и мистер Рэнч.

– Рад познакомиться, – отрывисто бросил полицейский. Со стороны учительского состава послышалось вежливое шуршание.

– Если вам потребуется помощь, – продолжал директор, – не сомневаюсь, что эти господа...

– Благодарю вас, сэр, – прервал его Армстронг, явно не считаясь с этикетом академического разговора. – Разумеется, я обращусь за помощью, когда в ней возникнет необходимость. А сейчас, господа, думаю, вам стоит пройти в здание школы. Позднее мне понадобятся ваши показания. Кто обнаружил тело?

Десятник сделал шаг вперед.

– А вот вы подождите здесь. Пока же мне надо переговорить с доктором Мэддоксом. Доброго вечера, господа.

При этом недвусмысленном высказывании господа потянулись в сторону школы. Эванс и Гриффин немного отстали.

– Перси, – прошептал последний, – получит апоплексический удар, если с ним и дальше будут так обращаться. Как тебе понравился наш мистер Армстронг?

– Совершенно не понравился.

– Лично мне он показался...

– И ты вполне можешь оказаться прав.

Ужин прошел в молчании. Ученики были подавлены и сидели наострив уши в надежде узнать хоть какие-то крохи о случившемся из доносившихся с учительского стола обрывков фраз. Но их ждало разочарование – учителям было указано ничего до времени не говорить, хотя, как справедливо заметил Симс, смысла в этом было немного, ведь из окна хорошо видно, что территорию школы прочесывает целый отряд полиции. Так или иначе Майкл был только рад, что в столовой не слышно обычного гула, ибо сейчас он был полностью сосредоточен на решении трудной проблемы. Как только ужин закончился, Майкл отправился в директорские покои на поиски Геро. К счастью, она оказалась одна, удрученно склонившаяся над едой, к которой даже не притронулась. При его появлении она подняла голову и слегка шевельнула губами, как-то вызывающе и вместе с тем жалобно.

– Ты не слишком рискуешь, милый?

– Выслушай меня, Геро. Сегодня днем мы не виделись. На сенном поле ты была одна.

– Это еще почему?..

– Неужели ты не понимаешь, дорогая, что всех нас будут выпрашивать, где да когда мы были? А Мэддокс утверждает, что, скорее всего, убийство было совершено между часом и четырьмя пополудни.

– Но ведь мы можем обеспечить друг другу алиби...

– Да, и выпустить пар из котла...

– А, ну да, понимаю, Майкл хочет выглядеть рыцарем. – Геро смягчила насмешку ласковой улыбкой.

В дальнем конце коридора послышались шаги.

– Обещай, – с нажимом сказал Майкл.

– Хорошо, хорошо, – прошептала Геро, сделав, однако, про себя некоторые оговорки. – Что-нибудь придумаем, – добавила она, и в этот самый момент открылась дверь и вошел ее муж. Он отрешенно и с некоторым напряжением во взгляде посмотрел на них.

– А, это вы, Эванс; суперинтендант собирается поговорить с каждым из наших работников по отдельности после того, как мальчики лягут спать. Вы готовы?

Майкл пробормотал что-то неопределенное и вышел из комнаты. Его не оставляло чувство смутного раздражения, мелкие уловки Геро продолжали его задевать.

– Что ему было нужно? – осведомился Вэйл.

– Кое-какой реквизит для спектакля, который он ставит со своим классом.

– Ах, вот как? Не уверен, что могу одобрить такого рода представления в моей школе. А сейчас тем более не время думать о театре. Все это ужасно, Геро. Я отдал школе всю свою жизнь. Пятнадцать лет, и вот что происходит, да еще и с мальчиком, которому я был не столько директором, сколько заменял отца.

– Послушай, но ведь тебя же никто не винит в случившемся.

– Разумеется, нет, – раздраженно отмахнулся Вэйл, – только ведь речь не об этом. Ты не хуже моего понимаешь, что даже тень скандала может уничтожить репутацию такого заведения, как это. И что нам тогда делать?

– Ну, с голоду, я полагаю, не умрем. Насколько я понимаю, теперь нам перепадут кое-какие деньги. – Геро сама удивилась цинизму этого замечания.

– Что ты такое говоришь, дорогая? Так, словно я... право, ты сегодня сама не своя. Честно говоря, в такой момент я ожидал от жены большего сочувствия.

Геро устало вздохнула. Ну вот, эти обычные воззвания о сострадании. И беда в том, что они всегда достигают цели, находя отклик в той части женского естества, которая ей неподвластна. *Нет*, твердо заявила она себе, *я люблю Майкла. И никому не позволю заставить меня разменивать эту любовь на благотворительность. Любовь – это вообще не пожертвование.* Постепенно успокаиваясь, Геро посмотрела на мужа. Он был смертельно бледен и дышал тяжело и прерывисто.

– Извини, – сказала она, – я действительно немного не в себе.

– Конечно, конечно, сейчас нам всем нелегко.

– А тем, кто под подозрением, – особенно, – небрежно бросила Геро, стараясь шуткой успокоить мужа.

– Под подозрением? Да ты с ума сошла, Геро. О господи, это ты про деньги? Но не можешь же ты всерьез полагать, что...

– Полиция наверняка будет искать мотив.

Геро все еще выдерживала шутливый тон, но, подняв голову, поразилась, увидев, как застыло от ужаса лицо мужа. О господи, мелькнуло у нее в голове, да он же сейчас в обморок упадет. Можно подумать, что это и впрямь его рук дело.

Два маленьких носа плотно прижаты к окну третьего класса, выходящему на сенное поле. Их обладатели – бесстрашные вожаки общества «Черное Пятно», – демонстрируя свое обычное чутье и способность попадать в разные неприятные истории, разнюхали появление нюхачей и оборвали на середине вечернюю молитву, чтобы не упустить ни малейшей детали происходящего. Они добывали материал для того, что газеты называют «эксклюзивной информацией».

– Слушай, Стивенс, вон тот, в приплюснутой шляпе, это, наверное, главный полицейский?

– Не «главный полицейский», болван ты этакий, а инспектор, – сурово одернул его диктатор.

– Прямо гигант, верно? Он даже больше Гриффина.

- Но, держу пари, не такой сильный, как Гриф.
- Да, не повезло бедняге Вимису. Пусть даже он на червяка смахивал... Интересно, как с ним такое могло произойти.
- Ах ты, простачок, ты действительно думаешь, что это несчастный случай? Зачем бы тогда, интересно, они сюда целую кучу копов согнали?
- Да ты что?! Хочешь сказать, что это было...
- Убийство. Расправа. Да, именно это я и хочу сказать. И более того, – таинственно добавил диктатор, – у меня есть некоторые мысли насчет того, кто...
- Круто! Ну, выкладывай! Мы проследим за ним и?.. Кто это?
- Не дыши на стекло, осел, ничего не видно. – Понсонби послушно протер окно. – Говорить пока рано, – продолжал Стивенс, – ты ведь всей школе растреплешь.
- Честное слово, Стивенс, я ни за что... слушай, а что этот малый с фотоаппаратом делает?
- Останки снимает. Так всегда делают при убийстве. Кстати, вот еще одно доказательство того, что это было убийство.
- Потрясенный неотразимой логикой командира, Понсонби в восхищении закатил глаза, затем прижался носом к подоконнику.
- Смотри-ка, поднимают его. Кладут в фургон. Я не вижу крови, а ты? Как он страшно выглядит. Я, пожалуй, пойду.
- Диктатор был сделан из более прочного материала.
- Катись, если хочешь. Я досмотрю до конца. Эй ты, иди сюда, живо! Смотри, они ворошат сено, наверное, улики ищут. – Понсонби вернулся к окну. – Так, отъезжают. Куда, интересно, его увозят? Верно, на кладбище.
- Как ты думаешь, нам дадут выходной на похороны?
- Возможно. Эй, смотри, инспектор что-то нашел. В платок заворачивает. Отпечатки пальцев.
- Здорово! У нас тоже будут брать?
- Заткнись! Я ничего не вижу – совсем темно становится. Скорее всего, пуля.
- Да нет, карандаш – серебряный карандаш.

Глава 4

Устный экзамен

Наконец равнодушное к темным людским делишкам, страхам или страстям солнце оставило дневную свою стражу. Оно заглядывает в неубранный общий зал, где учителя нервно переговариваются, пытаясь без особого успеха скрыть за пустыми замечаниями растерянность перед внезапно разверзшейся у их ног пропастью. Полиция к этому времени кончила прочесывать сенное поле, обнаружив, что искать там нечего, и отпустила с миром фургон с его обычным грузом – сеном. Над дальним краем поля летает стайка чибисов, являя то черное свое оперение, то белое, словно это вспышки света или волны на лунной поверхности озера. У Тивертонна, глядящего на них из окна столовой, мелькают в сознании образы жизни и смерти, преступления и невиновности, черного и белого. Да и все в школе, кроме самых маленьких, для которых всего этого дела просто не существует, невольно, но неотвратно вглядываются в окна и то, что расстилается за ними.

Вскоре в общий зал входит суперинтендант. Ученики поедают его глазами, храня прилично вежливое, оценивающее молчание, каким мальчишки их возраста обычно встречают незнакомца. Ведет себя Армстронг несколько суетливо, если это слово вообще применимо к такому человеку-горе. Однако, поощряемый настороженными взглядами, он поправляет воротник рубашки и сразу берет быка за рога.

– Все вы слышали о печальном событии, происшедшем в школе. Мне поручено разобраться в нем, и если, молодые люди, кто-либо из вас может оказать помощь, надеюсь, он ее окажет.

Начало получилось хорошим, даже самый строгий из молодых критиков не нашел бы, к чему придираться; предложение помочь полиции встречено на ура. Чувствуя, что экзамен он сдает на пятерку, суперинтендант развивает мысль:

– Пока мне хотелось бы знать только одно: не видел ли кто своего товарища за обедом или сразу после него?

По собравшимся пробегает невидимая дрожь. Она начинается со старшеклассников, сидящих на задних рядах, и волнами переходит к младшим, расположившимся прямо перед суперинтендантом. Вот он и попался. Одно только слово превратило его из потенциального героя в посмешище. Отныне этому слову – «товарищ» – предстоит в течение нескольких недель звучать излюбленной шуткой, а также оружием нападения, а потом еще много недель суперинтенданту придется преодолевать последствия своего высказывания. Он понимает, что «потерял аудиторию», и, оставляя дальнейшие попытки походить на Агага⁵, задает вопросы жестким официальным тоном.

Нет, за обедом Вайверна-Вимиса не было; кое-кто из учеников ушел обедать с родителями, и те, кто обычно сидит в столовой рядом с Вимисом, решили, что и он среди отпусков. Нет, и после обеда его никто не видел и не знает, куда он отправился. Из школы никто не выходил до начала соревнований. Даже если Армстронг и был зорек, как пустельга, все равно трудно предполагать, что он способен заметить, как в кругу, состоящем из восьмидесяти учеников, при его втором вопросе слегка приподнялась и тут же опустилась маленькая рука, а при третьем на двух лицах появилось напряженное и упрямое выражение. Он шагает к двери – пожалуй, довольно быстро для себя, но недостаточно быстро, чтобы не услышать,

⁵ Царь амаликитян, плененный царем Саулом и умерщвленный пророком Самуилом (1 Цар., 15).

как за его спиной начинает мурлыкать какую-то эстрадную песенку лопоухий подросток в огромных очках; одно нелестное слово в песне фигурирует как *piece de resistance*⁶.

Суперинтендант уединился с директором, который остро переживал факт, что допрашивают его в собственном кабинете, и наверняка чувствовал себя примерно как Кронос, когда вдруг ниоткуда явился, чтобы подвергнуть его испытанию, Зевс.

– Итак, сэр, – говорил суперинтендант, – давайте посмотрим, чем мы располагаем. Последний раз, насколько нам известно, мальчика видели сегодня под конец уроков. Отсутствие его было замечено не ранее семи вечера, когда начались поиски. Из показаний десяти Морли явствует, что тело было хорошо спрятано.

– Его могли перенести туда вечером, в любой момент после убийства, – вставил директор.

– Конечно, сэр, конечно, и как это только мне самому в голову не пришло, – иронически заметил суперинтендант, заставив досточтимого Вэйла слегка поежиться, – думаю, что в непродолжительном времени мы подключим вас к расследованию. А пока скажите, сэр, – продолжал он, – у вас здесь все учителя давно работают?

– Да, все, кроме мистера Рэнча; он пришел к нам в прошлом семестре.

– И что это за человек, мистер Рэнч?

– Ну, как вам сказать... как педагог он меня вполне удовлетворяет. Конечно, не ученый, нет, не ученый; но работник добросовестный и весьма справедливый, хотя и строгий.

– Меня он интересует скорее не как педагог, а как человек. – Удивительно, но, кажется, любой из собеседников Персиваля Вэйла оказывался подвержен воздействию его размеренной речи.

– Как человек? Что ж, колледж, который он окончил, дает ему весьма лестные рекомендации. Не могу сказать, что я хоть сколько-нибудь тесно общаюсь с ним за пределами школы. Но, в общем, он кажется мне человеком замкнутым, и к тому же, должен отметить с известным сожалением, склонным к некоторому эстетству. Сомневаюсь, чтобы он придерживался вполне здравых политических взглядов. И конечно, это не вполне... не вполне, как бы это сказать... – Директор смущенно осекся.

– Не вполне джентльмен? – пришел ему на помощь Армстронг. – Ну что ж, это ведь можно сказать о многих из нас. Ладно, поехали дальше. Поиски пропавшего мальчика ничего не дали, и вы связались с нами. Между прочим, сэр, могу я поинтересоваться, почему вы не сделали этого сразу, как только обнаружили исчезновение? Звонок в полицию поступил только в семь тридцать.

– До этого времени я понятия не имел, что мой племянник убит, – ледяным тоном ответил директор. На сей раз пришло время поежиться суперинтенданту.

– То есть, если я правильно понимаю, вы решили, что он просто сбежал или еще что случилось? – перешел он в контратаку.

– Второе ваше предположение ближе к истине, нежели первое, – парировал мистер Вэйл. – Я подумал, что, как вы выразились, с ним что-нибудь случилось. Видите ли, у моих учеников нет привычки... э-э... сбегать.

– Конечно, конечно. А в семь двадцать пять вы узнали от Морли, что случилась трагедия, верно?

– Да.

– Тогда вы вызвали мистера Тивертон, поручили ему сообщить о случившемся коллегам, а сами позвонили доктору Мэддоксу и в полицию, правильно?

– Именно так.

⁶ Основное обеденное блюдо (*фр.*).

В приемной зазвонил телефон. Директор приподнялся было на стуле, но движением руки суперинтендант остановил его:

– Не беспокойтесь, сэр, сержант Пирсон ответит.

Директор вернулся на место и вымученно улыбнулся:

– Смотрите, вы тут уже целый гарнизон разместили.

Вошел сержант и доложил начальнику, что на проводе доктор Мэддокс. Быстро переговорив с ним, Армстронг вернулся в кабинет.

– А теперь, сэр, – отрывисто бросил он, – хотелось бы задать вам, если не возражаете, еще несколько вопросов. Это чистая формальность.

– Разумеется, прошу вас.

– Не могли ли бы вы рассказать, сэр, чем были заняты между часом и четырьмя?

– Так, давайте посмотрим. До двенадцати сорока пяти я оставался в школе. Потом, до обеда, то есть до часа тридцати, подписывал в зале отпускные свидетельства.

– За обедом были все учителя, сэр?

– Да. Впрочем, нет, извините, запамятовал. Эванс отпросился куда-то. – Армстронг что-то черкал в записной книжке.

– Зачем и куда не сказал?

– Нет, да я не считаю необходимым, чтобы мои коллеги...

– Разумеется, сэр, разумеется, что дальше?

– Дальше я около четверти часа разговаривал в этом кабинете с женой. Потом поднялся к себе в гардеробную переодеться – пришло время встречать родителей. Сегодня у нас, знаете ли, День спорта.

– И когда же они начали съезжаться?

– Примерно в четверть третьего, если не ошибаюсь. Но, право, я не вижу, какое это все...

– Итак, вы передевались у себя дома между часом сорока пятью и двумя пятнадцатью, так?

– Ну, возможно, прилег на несколько минут отдохнуть. Нельзя же помнить каждую мелочь...

– Извините за вопрос, сэр, но не мог бы кто-нибудь подтвердить все это? Может, кто-нибудь из обслуживающего персонала заходил? Или ваша жена?

Директор бросил на Армстронга взгляд, который, бывало, умирал иных не в меру разошедшихся родителей, а уж учеников и вовсе способен был лишить дара речи. Сейчас он тоже достиг своей цели и пробил брешь в железной обороне суперинтенданта.

– Это возмутительно! Я не совершал этого преступления и, я находился у себя дома между часом сорока пятью и двумя пятнадцатью. Если вы не верите первому, то вряд ли поверите и второму.

– Понимаете, сэр, если речь идет об убийстве, мы не можем позволить себе верить людям на слово. Я просто выполняю свой долг. Если у меня нет возможности получить сведения от одного человека, я обязан обратиться к другому. – В голосе суперинтенданта прозвучало явное предостережение, и Персиваль Вэйл его уловил.

– Несколько минут в этом промежутке времени моя жена была у себя в спальне. Она примыкает к моей гардеробной. Мы перекинулись парой слов через дверь. Это все, чем я могу подтвердить свои слова.

– И когда это было?

– Миссис Вэйл зашла домой сразу после двух. Потом мы вместе спустились.

С этого момента Армстронг ослабил моральное давление и дальнейшие сведения получил от директора сравнительно безболезненно. Сведения эти сводились к тому, что:

родителей мальчика нет в живых, и он, мистер Вэйл, остается его ближайшим родственником;

обязанности опекуна он разделяет с Джеймсом Уркартом, эсквайром, стряпчим из Стертона;

никто сегодня не приглашал мальчика на обед;

он, директор, не имеет ни малейшего представления, кому бы могло прийти в голову расправиться с его племянником.

Суперинтендант почтительно выслушал также версию, согласно которой парнишку убил какой-то бродяга: у Вимиса всегда были при себе немалые – для подростка – деньги; более того, Вэйл заявил, что именно это, вне всяких сомнений, и имело место. И лишь после того, как суперинтендант вышел, чтобы, по его словам, «перекинуться парой слов с миссис Вэйл», директор, испытывая примерно в равной пропорции возмущение и тревогу, стал осознавать, что инквизитор держал его все это время на ладони, как Гулливер короля лилипутов, и что тот самым зловещим образом даже не поинтересовался, что извлечет из смерти досточтимого Элджернона Вайверна-Вимиса его «ближайший из живущих родственников».

Суперинтендант Армстронг, допрашивавший Геро Вэйл, разительно отличался от официального судебного следователя, допрашивавшего Персиваля Вэйла. Взгляд его излучал почтительное восхищение ее красотой, а в голосе звучало почтительное сочувствие тому печальному положению, в каком она оказалась.

– Я прекрасно понимаю, мадам, – это для вас тяжелый удар; и все же был бы признателен, если вы согласитесь ответить на один-два вопроса. Просто формальность...

– Да, да, конечно.

– После обеда... между прочим, вы не заметили случайно, был там ваш племянник или нет?

– Нет. И не могла заметить. Меня самой там не было.

Суперинтендант слегка расставил ноги и наикротчайшим голосом проговорил:

– Ах вот как... В таком случае позвольте уточнить. Вы обедали на природе? С друзьями?

– На природе, но одна. Я взяла с собой несколько сандвичей и пошла на сенное поле. Мой муж подтвердит, что мне часто приходят в голову разные капризы.

– Что ж, это вполне естественно; я имею в виду желание перекусить на свежем воздухе в такой чудесный солнечный день. Я так понимаю, там вы своего племянника или кого-нибудь еще не видели?

– Опять-таки у меня и возможности такой особенно не было. Видите ли, я забралась в стог сена... боюсь, в тот самый, где потом обнаружили тело.

– Да что вы говорите? Наверняка вам оттого только еще тяжелее. Но для нас, напротив, это большая удача.

– Как это?

– Ну да. Разве вы не понимаете, что это сокращает промежуток времени, когда могло быть совершено преступление? Если только тело не перенесли туда уже после убийства.

Глаза суперинтенданта живо поблескивали, как у доброго дядюшки, протягивающего племяннику новую игрушку. Геро поняла, что он изо всех сил старается снять с нее напряжение («обезоружить», подумалось ей); поняла она и то, что он это понимает.

– Так, и что было дальше? – теперь голос суперинтенданта прозвучал чуть резче.

– Я вернулась в школу, когда ученики кончали обедать. Немного побыла с мужем. Затем пошла проверить, все ли готово к началу соревнований – стулья, бутерброды, напитки и так далее. После чего поднялась к себе переодеться.

– И это было примерно...

– Часы в зале как раз пробили два.

– Мистер Вэйл был в это время с вами?

– Нет-нет, когда я вошла к себе в спальню, он переодевался в гардеробной.

– Ясно. Чрезвычайно вам признателен, миссис Вэйл. Надеюсь, мне не придется больше вас беспокоить.

Располагаясь в учительской, где он собирался допросить педагогов и других работников школы, суперинтендант чувствовал себя несколько усталым и раздраженным. Правда, его успокаивало присутствие сержанта Пирсона с большим блокнотом в руках, а также наличие увесистого металлического предмета в собственном кармане. Первой жертвой стал Тивертон. Все время между обедом и двумя тридцатью он провел в общем зале, лишь изредка наведываясь в классные комнаты, чтобы убедиться, что ученики, ждущие, пока им не велят переодеваться, не делают ничего недозволенного.

– И кто еще из учителей был с вами?

– Дайте подумать. Мистер Симс – почти все время. Он ушел около двух – полагаю, переодеться. С того момента и до начала первого забега я его не видел.

– А сами вы, сэр, переодеваться не ходили?

– Нет, я сделал это еще до обеда.

– Как насчет других учителей?

– Ну, вообще-то я, знаете ли, не сторож брату своему. Кажется, Гэтсби вскоре после обеда пошел в деревню. Сразу после двух появился и тут же исчез Рэнч. Заглянул Эванс, это было около двух пятнадцати, он шел за мальчиками. Кто еще? Ах да, Гриффин. Этот выкурил сигарету и отправился посмотреть, все ли готово к стартам. Ну а что касается директора, ничего сказать не могу, – вызывающе добавил Тивертон.

– А что, мистер Тивертон, на соревнованиях присутствовали все учителя?

– Да, все были там. Правда, Рэнча я увидел только под конец первого забега. Наверное, задержался с кем-нибудь из родителей или... ну, не знаю.

– И у вас, сэр, нет никаких предположений, кто мог совершить это преступление?

– Ни малейших. Точно так же я даже представить себе не могу, какие мотивы могли бы быть у кого-нибудь из нас и зачем вам так нужно знать, где был каждый?

– Простая формальность, сэр. Благодарю вас, пока это все, – индифферентно заключил суперинтендант. – Не могли бы вы пригласить сюда мистера Гэтсби?

Вошел Гэтсби и начал с того, что смутил суперинтенданта крепким рукопожатием.

– Ну что, теперь меня на ковер? В таком случае – огонь.

– Если вы не против, мистер Гэтсби, скажите, где вы были между обедом и началом соревнований. Нам приходится выяснять такие вещи.

– Да все нормально, старина. Каждый делает свою работу. Ну, вообще-то, я поскакал в деревню по-быстрому пропустить рюмашку. Надо было быть в форме к началу всех этих светских гулянок. Не светский я человек.

– Да я уж вижу, сэр. Ну и насколько быстрой оказалась рюмашка?

Гэтсби так и покатился со смеху.

– Ха-ха-ха. Хорошо сказано. Класс. Надо сказать парням. Ха-ха. «Насколько быстрой оказалась рюмашка?» Ну, что, по правде сказать, довольно быстрой, да только рюмашка не одна. Две или три. Хорошее пиво в «Петухе и перьях», да еще я залакировал его парой бокалов виски. Хозяин этого кабака – старина Томпкинс, если нужно, суперинтендант, он под присягой подтвердит, что все так и было.

– Уверен, в этом не будет необходимости, – бодро ответил суперинтендант, и это замечание пришлось весьма по душе весельчаку Гэтсби. – И как долго вы там пробыли, сэр?

– Ушел около четверти третьего. Если на машине, то от школы до деревни это не расстояние.

– А, так вы были на машине? Ясно. Тогда еще только один вопрос. Как вы думаете, кто мог желать смерти этому мальчику? Не слышали, может, кто угрожал ему... допустим, кто-нибудь из учеников, хоть в шутку?

Гэтсби наклонился, придав лицу выражение, которое Тивертон называл «между нами, девочками, говоря».

– Честно скажу, хотя, может, это и не очень хорошо по отношению к бедному малышу, – в школе его терпеть не могли. Многие готовы были ему шею свернуть. Забавно, но только сегодня за завтраком... – Гэтсби внезапно осекся.

– Вы сказали, «за завтраком», сэр? – подтолкнул его суперинтендант.

– Ну да, вышло так, что мы заговорили про убийства, – запинаясь, сказал Гэтсби и, почувствовав, что от него ждут большего, добавил: – Занятные совпадения порой случаются, суперинтендант, не так ли? Помню, в семнадцатом...

Но Армстронг был не в настроения выслушивать такого рода воспоминания. Он перебил словоохотливого Гэтсби, не дав тому оседлать любимого конька, и умело вытянул из него суть уже известного читателю разговора за завтраком. Сержант трудолюбиво записывал.

Следующим на очереди оказался Симс. Он неуверенно вошел в комнату, пряча в ниточке усов робкую улыбку.

– Добрый вечер. Меня... э-э-э... насколько я понимаю, вы хотели меня видеть.

– Именно так, сэр. Мне надо задать вам несколько вопросов. Для начала – что вы делали сегодня после обеда?

– О господи, боюсь, такие вещи у меня всегда вылетают из памяти. Так, что же я делал? Ненадолго заглянул в общий зал. Помнится, там был Тивертон. Потом переоделся наверху. Дальше снова спустился вниз. Но не уверен, может, все было в другом порядке.

– А не вспомните, сэр, в котором часу вы спустились?

– Когда я поднимался, пробило два. На переодевание нужно минут пятнадцать. Так что, наверное...

– Ясно. Вы спустились примерно в четверть третьего. Затем снова проследовали в общий зал, так?

– Да. – Симс бросил быстрый взгляд на суперинтенданта. – Впрочем, нет, не так. А кто вам это сказал? На самом деле я вышел на улицу и выкурил сигарету.

– А где это было?

– У противоположной стороны здания. Той, что выходит на сенное поле. Я прогуливался взад-вперед по тропинке. Гриффин должен был видеть меня. Он был на Большой площадке.

Армстронг не преминул отметить прозвучавшую в последних словах Симса тревожную нотку, но виду не подал.

– Ясно. И насколько я понимаю, ничего необычного вы не заметили?

– Нет, конечно. Иначе бы сам сказал вам. Никого с той стороны, кроме Гриффина, не было. Потом появился Эванс, но я уже был у двери.

– Ну что ж, сэр, большое спасибо. Если вам нечего добавить, не откажите в любезности пригласить мистера Эванса.

Если он не лжет – нет, если они с Гриффином не сговорились и если показания миссис Вэйл соответствуют действительности, – то убийство, судя по всему, произошло между часом тридцатью и двумя пятнадцатью, если, конечно, оно не было совершено где-нибудь в другом месте. Слишком много «если» и «судя по всему», подумал суперинтендант Армстронг, нащупывая в кармане некий конверт.

– Добрый вечер, мистер Эванс, насколько я понимаю? Есть у вас какие-нибудь версии насчет этого преступления?

В тоне суперинтенданта Майклу почудилась некоторая неприязнь; едва уловимый пренебрежительный акцент на местоимении «вы» (что, до него кто-то уже донимал его своими предположениями?); да и в том, как он тяжело откинулся всем своим массивным торсом на спинку стула, смутно ощущалась угроза.

– Я? Да упаси меня боже.

– И вы не слышали, чтобы кто-нибудь угрожал убить этого подростка?

– Конечно нет. А что, убийцы, как правило, объявляют о своих намерениях публично? Суперинтендант нахмурился.

– О разговоре за завтраком не припоминаете?

– О каком еще разговоре? О господи, неужели вы подозреваете Гриффина? Это же просто смешно. Слушайте, любой может сказать, что с удовольствием свернет кому-нибудь шею. Я лично повторяю это не менее двух раз в неделю.

– Отлично, сэр, оставим это. – Но у Майкла возникло тревожное ощущение, что ничего Армстронг оставлять не собирается. «Кто это? Обыкновенный туповатый полицейский служака? Да нет, в этих глазках угадываются острый ум и проницательность. Тогда к чему этот дурацкий намек на Гриффина? Может быть, он просто старается ослабить мою бдительность? Внимание».

– А теперь, сэр, несколько формальных вопросов. Мне говорили, что в школе вы сегодня не обедали.

– Верно, я вышел прогуляться – в лесок, за спортивными площадками.

– С миссис Вэйл не встречались?

«Ну вот, начинается. Что она ему сказала? Рискнем».

– Нет.

– Понимаете, я спрашиваю, потому что она примерно в это же время перекусывала на сеном поле.

«Слава богу, пронесло. Пока как будто все в порядке».

– А вы, сэр, с собой что-нибудь взяли поесть?

– Да, пару сэндвичей. – Такое признание ничем не грозит.

– Ясно... Наверное, на кухне сегодня совсем с ног сбились. – Замечание прозвучало чуть более небрежно, чтобы показаться вполне невинным, и Майкл почувствовал в этом ловушку.

– У меня всегда в холодильнике батон и масло. – «Так оно, между прочим, и есть. Проклятье! Не надо было этого говорить. Следовало дожидаться, пока сам спросит. Из огня да в полымя... Но Армстронг от комментариев воздержался».

– Насколько я понимаю, вам в лесу или на сеном поле никто не встретился?

– Нет. Вскоре после звонка появился Гриффин. По-моему, они с Моулди, он у нас спортивные сооружения контролирует, все время оставались на Большой площадке.

«Все идет хорошо. Нечего бояться эту громадину-полицейского. Это все моя больная совесть».

– Таким образом, на сеном поле вы вообще не заходили, я правильно понимаю, сэр? Между часом тридцатью и примерно четвертью третьего были в лесу?

– Верно.

Суперинтендант всем телом подался вперед, пошарил в кармане, извлек конверт и наклонил его перед собой. На стол что-то упало.

– В таком случае как вы объясните, что этот карандаш с вашими инициалами оказался в том же стогу сена, где было обнаружено тело убитого? Это ведь ваш карандаш?

«Этого еще не хватало! Плохо дело. Наверное, выронил, когда обнимался с Геро. А после не заметил». Майкл попытался придать себе вид оскорбленной невинности.

– Да никак не объясню. Может, вчера выпал из кармана, во время состязаний. Я почти все время возился с ребятами.

– Ага, так вы еще вчера хватились пропажи?

Майкл смутно почувствовал перед собой еще одну ловушку. Когда лжешь, старайся держаться как можно ближе к истине – эту максиму он усвоил прочно.

– Нет. Я и понятия не имел, что потерял карандаш, пока вы, надо признать, в несколько мелодраматической форме не довели это до моего сведения. – Майкл с удивлением ощутил, как на него накатывает волна праведного гнева, и добавил: – Должен заметить, что если это ваш обычный способ допроса, то не удивительно, что газеты поднимают такой шум по поводу убийств третьей степени.

– Кажется, мы оба несколько склонны к мелодраме, – отвечал суперинтендант, пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре. По правде говоря, он испытывал серьезное замешательство, и Майкл мог бы уловить это, не будь он столь поглощен тем, заметил ли Армстронг зияющую пропасть между своим первым вопросом насчет карандаша и ответом на него. Однако же тот начал выказывать признаки скорее неловкости, нежели каких-либо подозрений. Ну а Майкл пустился в красочный рассказ о сенных состязаниях и в конце концов покинул комнату, задаваясь вопросом, не были ли его маневры в духе Никколо Макиавелли порождением собственного больного воображения.

Майкла сменил Гриффин, явно готовый сорваться при первом же подходящем случае. Таковой представился в виде вопроса суперинтенданта по поводу его – Гриффина – неосторожного замечания за завтраком.

– Ах ты, боже мой! Если вы за такую ерунду цепляетесь, то вам стоит арестовать всех школьных учителей в Англии по подозрению в убийстве.

Суперинтендант реагировал на это воинственное замечание с максимальной деликатностью.

– Видите ли, сэр, вы должны понять, что нам, полицейским, приходится вникать во все детали, какими бы ничтожными они ни казались. Помните дело Джонса Эванса?

– Джонса Эванса? Форварда из «Лантиприда»? Да уж как не помнить. Я всегда говорил, что этот малый добром не кончит. Однажды... за ухо меня укусил. Ну, в общем, я вижу, к чему вы клоните.

– Стало быть, если я правильно понимаю, всерьез ваши слова воспринимать не следует?

– Не знаю, что и сказать. Вообще-то я бы с удовольствием свернул шею этому поганцу. Но так уж получилось, что сделал это кто-то другой. А я тут ни при чем, если вы это хотите знать.

– Именно это. Ведь после обеда вы были на площадке, верно? Ничего необычного не заметили?

– Нет, если не считать фокусов Маулди, он у нас за спортивный инвентарь отвечает – по-моему, это просто деревенский дурачок уж бог знает в каком поколении. На сей раз он поставил на беговой дорожке слишком много барьеров.

– Ну а вы, сэр?

– А что я? Сказал ему пару теплых слов, а потом мы отнесли лишние барьеры к нему в кладовку.

– И когда это было примерно?

– За десять-пятнадцать минут до начала соревнований. А что?

– Понимаете ли, сэр, представляется возможным, что тело было перенесено в стог с сеном не сразу после совершения убийства. И если это так, то, естественно, меня интересует, где оно могло быть в промежутке.

– Нет, в кладовке, если вы об этом, никаких тел не было, по крайней мере, когда мы туда вошли. И спрятано оно не могло быть, потому что, помнится, Маулди разворчался, что, мол, кто-то переложил мешки, и нам пришлось возвращать их на место. Так что если за ними что-то скрывалось, мы бы увидели.

Армстронг слегка подался вперед, и стул под ним заскрипел.

– Ну что ж, сэр, это, пожалуй, все. Да, вы случайно не видели миссис Вэйл после обеда?

– По-моему, она раз или два прошла через садовые ворота проверить, все ли в порядке со зрительскими местами.

– Больше никого не было?

– Вроде нет. Впрочем, постойте: некоторое время по дорожке прогуливался Симс. Он вышел, как раз когда мы уносили барьеры. Да, и еще. Почти тогда же со стороны леса появился Эванс. Вот теперь точно все.

– Ну что ж, сэр, не буду вас больше задерживать. Окажите любезность, пригласите, пожалуйста, мистера Рэнча.

Широко улыбаясь, Армстронг предложил ему сесть. Если он и заметил, что левый глаз учителя нервно подрагивает, а ладони впииваются в ручки стула, то никак этого не выдал.

– Итак, сэр, – начал суперинтендант, – полагаю, вы из тех, что помоложе, знаете об учениках то, что старшие могут и не знать. Например, нет ли у вас предположений относительно того, кто мог желать смерти этому пареньку?

– Ума не приложу, честно говоря. Конечно, соученики его не особенно жаловали, хотя иные лебезили, из-за его денег; да и среди учителей он тоже фаворитом не был.

– Что так?

– Он любому мог надерзить, причем самым гнусным образом, если считал, что это сойдет ему с рук.

– Ясно. Однако же, судя по впечатлению, какое произвели на меня ваши коллеги, вряд ли кто поднял бы на него руку.

– Видите ли, Гэтсби он обвел вокруг пальца, а что касается Симса... – Рэнч смущенно осекся.

– Вполне понимаю ваши колебания, сэр. При сложившихся обстоятельствах они вполне естественны. Но, конечно, даже мы, полицейские, не настолько тупоумны, чтобы полагать, будто человека можно убить из-за такой ерунды. Все, что я пытаюсь сейчас понять, так это психологию жертвы. Понимаете ли, часто таким способом можно выйти на убийцу.

– Ну что ж, если так... – Симс все еще колебался, – коли так, наверное, не будет большого вреда, если я вам скажу, что Вимис делал все от него зависящее, чтобы превратить жизнь Симса в ад.

По некоторым косвенным признакам Армстронг и сам это понял. Решив, что Рэнч, как он любил выражаться, «созрел», суперинтендант перешел в наступление.

– А сейчас, сэр, хотелось бы, чтобы вы рассказали мне, чем были заняты между обедом и половиной третьего.

Рэнч заметно напрягся и принялся теребить свой розовый галстук. Когда он заговорил, Армстронг уловил в его голосе некоторую хрипоту.

– Ну чем? Просто слонялся по школе.

– Попросил бы поконкретнее, сэр.

– Хорошо. После обеда я поднялся к себе и немного полежал, самочувствие было неважное. Потом легчало, и я решил почитать. Но вспомнил, что книгу оставил в общем зале, и пошел за ней. Там оказался Тивертон, и я...

– Могу я поинтересоваться, что это за книга, сэр?

Рэнч покраснел и неприязненно посмотрел на суперинтенданта.

– Право, я не понимаю, какое это... хорошо, если вам так уж надо знать, то это французская книга, «Мадемуазель до Мопен», – воинственно заявил он.

– Ясно. Школьное чтение. Когда я учился, у нас французский не преподавали. Хорошо, и что было дальше?

– Дальше я немного почитал, переоделся и спустился вниз.

– Вы ведь к началу первого забега опоздали, верно, сэр?

– Опоздал? Нет. Кто это вам сказал?

– О, извините, сэр, наверное, это какое-то недоразумение. Я почему-то решил, что вы не были с другими учителями на открытии соревнований.

– Был, но не с ними. Я разговаривал с одним из родителей.

– А с кем именно, сэр?

– Как ни странно, не знаю, – медленно проговорил Рэнч. – Рослый тип с голубыми глазами, в коричневом костюме. Он подошел ко мне и спросил, как дела у некоего Тома? Ну я и сказал наобум, что все в порядке у Тома. На сборищах вроде нашего с подобным то и дело сталкиваешься. Родители пребывают в уверенности, что их все знают и про их детей тоже все и все знают.

– Да, нелегко вам, должно быть, приходится, сэр. Что ж, больше вопросов у меня нет. Спасибо большое. Доброй ночи, сэр.

Глава 5

Свет и тень

Вечер следующего дня. Поужинали в общем зале, потом Тивертон, Эванс и Гриффин собрались в комнате, служившей ранее гостиной. Рэнч ушел по делам; Гэтсби и Симс вот-вот должны были вернуться из деревни. Суперинтендант, целый день шнырявший по зданию и совавший повсюду свой нос, наконец удалился, с его уходом висевшее в воздухе напряжение несколько ослабло. Имелись и другие персонажи; они тоже все время то входили, то выходили, так что атмосфера все же оставалась нездоровой, ядовитой, словно после газовой атаки. Репортеры местных и лондонских газет, вынюхивающие скандальные подробности для своих титулованных хозяев – так шакалы обнюхивают мертвечину для престарелых львов. Репортеры с блокнотами; репортеры с телеграфными бланками; репортеры с фотокамерами, недовольные тем, что не удастся найти «скорбящих родственников», чьи искаженные горем черты они могли бы уже завтра, к утренней трапезе, подать в виде десерта своей огромной аудитории; репортеры вежливые, грубые, въедливые, добродушные, злобные, умные, глупые – целая стая, кружащая над школой, то приближаясь, то удаляясь. Когда стервятники улетели окончательно, казалось, сама ночь вздохнула с облегчением и даже сенное поле, запятнанное убийством, сделалось словно бы чище. Миллионы глаз впивались в новостные строки, следующим образом звучавшие в версии местной газеты, которую как раз сейчас Тивертон зачитывал Эвансу и Гриффину:

ЛЕДЕНЯЩЕЕ КРОВЬ УБИЙСТВО В ЧАСТНОЙ ШКОЛЕ

ТИТУЛОВАННАЯ ЖЕРТВА

СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА НА СЕННОМ ПОЛЕ; 19.15. ШКОЛЬНИК ЗАДУШЕН ШНУРОМ

«Рабочие, убиравшие вчера поздно вечером сено на поле, примыкающем к территории подготовительной школы Сэдли-Холл, были потрясены, обнаружив в одном из стогов тело мальчика. О страшной находке было немедленно сообщено директору школы, досточтимому П.Р. Вэйлу, магистру наук, который признал в убитом своего племянника, ученика школы досточтимого Элджернона Вайверна-Вимиса. Как удалось установить, жертва была безжалостно задушена тонким шнуром, обмотанным вокруг шеи. На место преступления вскоре прибыли суперинтендант Армстронг и сержант Пирсон из местного отделения полиции, и нашему корреспонденту удалось узнать, что они обнаружили улики, которые позволят вскоре произвести арест. Директор школы, являющийся также президентом Севертонского археологического общества, заявил в беседе с нашим корреспондентом, что, с его точки зрения, убийцей является неизвестный бродяга, и объяснил прокатившуюся по стране волну насилия губительной для Англии политикой прежнего лейбористского правительства. Отвечая на вопрос нашего корреспондента, досточтимый Вэйл категорически отверг предположение, будто это ужасное событие может быть каким-то образом связано с невинным розыгрышем. Покойный, пользовавшийся в школьной среде исключительной любовью, был сыном...»

– Бла, бла, бла! – бесцеремонно прервал чтение Гриффин. – Довольно, дай отдохнуть.

– Да нет, тут еще кое-что есть, тебе, наверное, больше понравится, – возразил Эванс. – Вот: «Мистер Эдвард Гриффин, защищавший некогда цвета сборной Оксфорда по регби, а ныне преподающий в Сэдли-Холл, в ответ на вопрос, как он объясняет совершенное преступление, заявил, что сказать ему нечего».

– Я заявил, что этот журналюга получит в рожу, если не уберется вон отсюда.

– Что было весьма неосторожно с твоей стороны, Эдвард, – сказал Эванс. – Он тебе этого не забудет. Да, собственно, он уже – неужели ты сам не видишь? – бросил на тебя легкую тень подозрения.

Гриффин вырвал у него из рук газету и прочитал всю статью.

– Черт, похоже, ты прав. Теперь он вместе со всеми этими бобби⁷ мне сядет на пятки, так что и глазом моргнуть не успеешь, как почувствуешь, что на тебя объявлена охота.

– Вроде суперинтендант на тебя уже навалился? – спросил Тивертон.

– А то нет. Мерзкий тип, никому и ничему не верит. Какой-то болван передал ему мои слова за завтраком.

– Не виновен, – сказал Тивертон.

– Я тоже, – подхватил Эванс. – И вообще мне кажется, что на данный момент основной подозреваемый – это я. «Улики, которые позволят вскоре произвести арест», – это мой серебряный карандаш. Он отыскал его в стоге сена.

– Да, печально. – Гриффин посмотрел на него с сочувствием. – Насколько я понимаю, злодей – не ты, но если тебе требуется что-то скрыть, дай знать. – Говорил он легко и непринужденно, но Майкл почувствовал в его голосе некоторое беспокойство.

– Очень любезно с твоей стороны, Эдвард, – сказал он, – но надеюсь, в этом не будет необходимости. В это трудно поверить, но я действительно никого не убивал.

– Тем не менее с карандашом и впрямь неладно получается, – заметил Тивертон. – Как ты ему объяснил эту находку?

– Сказал, что, скорее всего, обронил карандаш, когда накануне возился с ребятами во время сенных сражений.

Судя по виду, Тивертон собрался задать еще один вопрос, но передумал и сказал следующее:

– В детективе было бы написано, что подбросил его преступник, чтобы навести подозрение на тебя.

– Вполне возможно, так оно и было, – засмеялся Гриффин, – будучи самым непопулярным учителем в школе Святого Ботолфа, ты, должно быть, нажил кучу врагов.

Майкл наклонился над столом, взял кипу книг и принялся сосредоточенно хлопать ими Гриффина по голове.

– Эй, это мои книги, – запротестовал Тивертон. – Но, серьезно, ты действительно думаешь, что потерял карандаш во время соревнований? Мне кажется, я видел, как ты писал им вчера утром. Я вот что хочу сказать: если он действительно был у тебя вчера или если кто-то нашел его после соревнований и не отдал тебе, стало быть, его туда подбросили, и сделал это кто-то из здешних мест.

Атмосфера в комнате несколько сгустилась. Майклу стало не по себе: он обманывает людей, которые ему симпатичны. Но точно ли обманывает? Он ведь и вправду, хоть убей, не помнит, когда в последний раз брал в руки этот карандаш. И он мог выпасть у него вовсе не тогда, когда он был с Геро. Иное дело, кому и зачем могло, черт возьми, понадобиться...

⁷ Расхожее наименование полицейского в Англии.

– Понимаю, – медленно выговорил он. – Да. Весьма неприятный вариант. И если этот таинственный персонаж не любит меня настолько, что хотел бы увидеть на виселице, то допустимо предположить, что готов сам расправиться со мной, если закон ничего не наредит.

Тивертон, довольно неловко возившийся все это время с кофейным аппаратом, сумел наконец-то наполнить три чашки.

– Все это так, – сказал он, – но я, однако же, склонен думать, что исполнение приговора может быть отложено. Скажите, вам не приходило в голову, что во всем этом деле самое странное?

– Нет.

– Ну же, Холмс, не томите, я весь внимание.

– Хорошо. Куда вчера Вимис пошел после занятий? Всем нам как будто кажется, что он просто исчез с лица земли. И второе: кто или что могло побудить его исчезнуть таким странным образом, не поставив, судя по всему, никого в известность и не оставив ни единого следа? На мой взгляд, если удастся ответить на этот второй вопрос, загадка решится сама собой.

Коллегам еще понадобится некоторое время, чтобы понять, прав ли – и насколько – Тивертон в своих рассуждениях.

– Вы удивитесь, Холмс, – сказал Гриффин, – но должен признаться, что я пока не вижу, почему исполнение приговора, вынесенного Майклу, откладывается.

– Если парень не сбежал и не прогуливал уроки – а я думаю, что это маловероятно, не говоря уж о том, что, насколько всем нам известно, никто не видел его ни в деревне, ни на дороге, – то, стало быть, должен быть кто-то или что-то, заставившее его покинуть территорию школы.

– Железная логика, – восхищенно прокомментировал Гриффин.

– Мне кажется, он должен был получить что-то вроде записки от знакомого человека, иначе бы с места не тронулся. Но этот знакомый – не один из учителей, потому что учителя не назначают свиданий ученикам в письменной форме, и Вимис сразу бы почувствовал что-то подозрительное.

– От души надеюсь, что не назначают, – чопорно заметил Гриффин и повернулся к Эвансу. – Слушай, Майкл, а ведь он прав, как тебе кажется? – Гриффину были свойственны подобные вспышки энтузиазма, и, судя по выражению лица Тивертон, он был польщен похвалой.

– Итак, – проговорил Эванс, – мы ищем кого-то не из школы, знавшего Вимиса?

– Почему, это может быть и наш ученик, такую возможность тоже нельзя исключить, – возразил Тивертон.

Дальнейшее изучение предмета было прервано появлением Гэтсби и Симса. Первый был особенно «петушист» и весь в «перьях», да и второй, кажется, вопреки обыкновению, наслаждался жизнью. Гэтсби плюхнулся на стул и, не дожидаясь приглашения, отхлебнул кофе и закурил сигарету. После чего издал оглушительный булькающий звук и открыл шлюзы.

– Пригласил старину Симми пропустить по рюмашке. Что-то он вроде был не в себе, то ли полиция достала, то ли что-то еще, ну я и прописал ему то, чем мамочка лечит. Верно, Симми?

– Точно.

– Думал, мы уж никогда туда не доберемся. Симми увидел в кустах какую-то желтоперку, ну и решил к ней подобраться поближе. Не понимаю, Симми, что ты находишь в этих несчастных птахах. Да, кстати, о птичках, где Рэнч? Подбивает клинышки к прекрасной Розе, надо полагать?

– Это ты еще о чем, Гэтсби? – ледяным тоном осведомился Тивертон, но тот был слишком навеселе, чтобы его можно было остановить таким образом.

– Только не говори, – продолжал он, – что ты не видел, как она ему за едой строит глазки. Где-нибудь в кустах делишками занимается. Наверняка.

Гриффина и Эванса откровенно передернуло. Симс выпрямился на стуле, лицо его покраснело, он задрожал.

– П-послушай, Гэтсби, – заикаясь, проговорил он, – к ч-чему эти н-непристойности? С-слушать противно. Б-болтать про птиц, и только потому, что кое-кто, видите ли, ведет себя как животные, к-как животные – не вижу во всем этом н-ничего веселого, – закончил Симс, пытаясь и в раздгерганных чувствах сохранить достоинство. Все смутились. Все, за исключением Гэтсби, который театрально закатил глаза и сказал:

– Господи, кто бы мог подумать, Симс у нас становится воплощением нравственности. Симми, ты сколько успел на грудь взять, когда я отвернулся?

Наступившая тишина была настолько пронзительна и тревожна, что даже Гэтсби с его дубленой шкурой проняло, и он с некоторой снисходительностью заметил, что стоит сменить тему. Что сам же и сделал, немилосердно перескакивая с одного на другое.

– Так, поскольку собрались мы вроде в гостиной, позабавлю вас славной и вполне пристойной шуткой. Да, кстати, она напоминает мне о словах, которые я вчера услышал от суперинтенданта. Неглупо было сказано, между прочим. Малый не промах.

Соответственно, собравшихся попотчевали примерами остроумия Армстронга, и разговор сместился в его сторону. Тивертон высказал сомнения в умственных способностях суперинтенданта. Гриффин – в его законнорожденности. Гэтсби заявил, что малый он умный и настоящий спортсмен. Симс с некоторым раздражением заметил, что он не позволит какому-то там деревенскому верзиле запугивать себя. Майкл, к которому обратились как к арбитру спора, признал, что был слишком напуган суперинтендантом, чтобы составить о нем хоть сколько-нибудь ясное представление, но, по его мнению, независимо от того, умен этот персонаж или глуп, и ум, и глупость отличаются крупными масштабами и потому в одинаковой степени опасны.

В этот момент в комнату вошел донжуан или только якобы донжуан – Рэнч. В атмосфере зазвонила некоторая неловкость – кто-то отвернулся, кто-то принялся размешивать сахар в чашке, кто-то набивать трубку.

– Кофе налить, Рэнч? – спросил Тивертон. – Ты где был, ребят укладывал?

– Спасибо, выпью немного. Да, они сегодня немного перевозбудились.

– Ну что, Гэтсби, видишь? – выпалил Симс и тут же смущенно улыбнулся, поймав предупреждающие взгляды четырех пар глаз.

– О чем это вы? Пари, что ли? – Тишина сделалась еще более напряженной. Нарушил ее Тивертон, чьи слова прозвучали как удар грома:

– Да Гэтсби, понимаешь ли, решил, что ты укладываешь Розу.

– Брось, старина, не обращай внимания, – забормотал Гэтсби.

Рэнч побелел. Глаза его сузились, ноздри раздулись: кажется, в облике его не осталось ничего человеческого. Не выпуская из рук чашки, он встал на ноги и вперился взглядом в Гэтсби.

– Ах ты, грязная свинья! – проскрежетал он. – Безмозглый негодяй! Убирайся отсюда! – Его голос поднялся до крика и оборвался. Он швырнул почти еще полную чашку Гэтсби в физиономию.

Тот пошатнулся и заморгал. Со щеки его потекли кофе и кровь. Гэтсби прорычал что-то нечленораздельное и мощным ударом отбросил Рэнча на несколько футов в угол, где бедняга, всхлипывая, упал вместе со свалившимися на него клюшками Тивертон для гольфа. Эванс вскочил, охваченный слепой, бесконтрольной яростью. Тивертон изумленно озираясь,

явно не понимая, что происходит. И только Гриффин оставался, кажется, невозмутим. Как утес, застыл он перед Гэтсби, схватил его за плечи, развернул и подтолкнул к двери, кротко проговорив напоследок:

– По-моему, сегодня ты и так уже слишком много себе позволил; в твоём дальнейшем присутствии нет никакой нужды.

С этими словами Гриффин повернулся и с помощью протрезвевшего Симса повел Рэнча в его спальню.

В разгромленной комнате остались только Тивертон и Эванс. У Тивертоня сохранялось на лице то же странное, отрешенное выражение, словно он решал в уме какой-то ребус.

– Господи, – медленно проговорил он, – и кто меня за язык дернул?

– Нынче вечером все немного не в себе, – неловко откликнулся Майкл. – Ладно, пойду, наверное. Доброй ночи.

И он лег на кровать и провел несколько бессонных часов, думая о том, что грязное дело убийства со смертью жертвы лишь начинается. В голове мелькали подробности минувшего дня, и, по мере того как они собирались в единый узор, приходило осознание, что отношения в кругу коллег стали иными. Да, произошли перемены: под ровной поверхностью происходит некоторое волнение. И вызвано оно – понимание этого стало болезненным ударом – тем, что вместе со всеми другими он ощущает: убийца – один из своих, а события минувшего вечера – это не что иное, как вырвавшиеся наружу тайные подозрения. Тем более Майкл был рад скорому появлению Найджела Стрейнджвэйса.

В то время как преподавательский состав Сэдли-Холл демонстрировал первые признаки падения нравов, суперинтендант Армстронг и сержант Пирсон проводили нечто вроде военного совета за бокалом виски с содовой в доме первого. Начали с доклада сержанта. Он был юн, проницателен, добросердечен. Вьющиеся льняные волосы и простодушное выражение голубых глаз делали его всеобщим любимцем, особенно в кругу дам средних лет, а также весьма успешным следователем. В свою очередь, лицо его настолько точно отражало характер умственной деятельности, отличавшейся редкостной целеустремленностью и прямоотой, что преступники с готовностью открывали ему свои сердца, как брату, либо же, безнадежно одураченные его необычайной искренностью, начинали подозревать, что за ней скрывается дьявольская хитрость, и всячески путались в показаниях.

Доклад сержанта оказался длинным, но, в общем, пустым. Для начала они вместе с деревенским констеблем проверили алиби Гэтсби, для чего наведались в бар «Петух и перья». Он пришел туда и ушел в указанные им часы. Первые пять-шесть минут после появления Гэтсби провел в одиночестве в отдельном кабинете, но затем сменил его на общий зал, где атмосфера была поживее. Затем Пирсон нанес визиты родителям из местных, кто присутствовал на соревнованиях. Никто из них не видел несчастного Вимиса. Только один вспомнил, что разговаривал с мистером Рэнчем, но было это уже после окончания забега на 440 ярдов; к тому же глаза у собеседника были не голубые, и сына звали не Томом. Точно так же никто не видел, как мистер Рэнч разговаривал с голубоглазым мужчиной в коричневом костюме, будь то до начала или во время соревнований, хотя иные из папаш под такое описание подходили.

Тем временем несколько подчиненных сержанта прочесывали местность; но если мальчик покинул территорию школы, то разве что в шапке-невидимке. Особенно пристальный интерес вызвал класс, не имеющий, по определению школьной администрации, «места постоянной приписки»; результаты проверки еще не поступили, как не нашла подтверждающая версия, выдвинутая директором. Рабочие, обнаружившие тело, были допрошены с пристрастием, но и тут эффект оказался нулевым.

Все эти сведения Пирсон изложил официальным тоном, сидя на стуле с выпрямленной спиной и задумчиво глядя на картину с изображением каких-то ангелов-уродцев, висящую над головой суперинтенданта. Закончив, он несколько расслабился, переключил внимание с ангелов на виски, выжидательно посмотрел на Армстронга.

– Ну что, Джордж, – заговорил тот, – поработали вы сегодня неплохо. Честно говоря, я и не ожидал, что здесь мы что-нибудь накопеем, но, по крайней мере, теперь зона поисков сузилась.

Далее он перешел к описанию собственных действий. Для начала Армстронг осмотрел салон и багажник машины Рэнча; ни там, ни там недавних следов пребывания чьего-либо тела не обнаружилось, хотя это никоим образом не исключает Гэтсби из числа подозреваемых в убийстве. Далее переговорил со всеми служащими школы. Вот их как раз из этого круга можно практически исключить, ибо на протяжении всего этого хлопотного отрезка времени между обедом и началом соревнований они оставались на виду друг у друга, – можно сказать, натыкались один на другого, – то ли на кухне, то ли в саду. Тут Армстронг выдержал многозначительную паузу. Зная пристрастие шефа к театральным эффектам, Пирсон осведомился:

– Вы сказали, сэр, «практически»?

– Да. Но, видите ли, я столкнулся с парой любопытных показаний. Смотритель спортивных сооружений школы Моулди – чердак у него, правда, так себе меблирован, – положительно утверждает, что после того, как он утром ушел из кладовки, мешки – полные – оказались передвинуты. По его словам, когда они с мистером Гриффином зашли туда, они были вроде как прислонены к дальней стене и расположены таким образом, чтобы из них можно было соорудить некое укрытие; я специально попросил его вновь поставить мешки в то положение, в каком он нашел их после обеда.

Сержант Пирсон присвистнул с хитрым расчетом на то, чтобы до начальства дошло удивление, смешанное с восхищением. Суперинтендант продолжал:

– Мой следующий объект – Роза. Это служанка. До двух она оставалась на кухне, вместе с другими мыла посуду. Потом, по ее словам, неважно себя почувствовала и поднялась к себе в комнату полежать. Начиная с этого момента и до того, как она присоединилась к другим слугам, наблюдавшим из окна общежития за соревнованиями, а было это примерно в два тридцать, – подтвердить ее передвижения некому. Мисс Роза, доложу я вам, это та еще штучка, красotka, можно сказать, но она чем-то напугана. Я решил не нажимать на нее – пусть созреет.

Армстронг откинулся на спинку стула, надолго припал к бокалу, отдышался и одарил сержанта широкой улыбкой.

– И еще кое-что интересное я узнал услуги. Взгляд со стороны, так сказать. Мистер Эванс, похоже, – настоящий джентльмен, но несколько высокомерен. Мистер Рэнч – полная ему противоположность, в обоих смыслах. Мистер Симс безобиден. Мистер Тивертон – «беспокойный, но чудный старикан», так, по-моему, о нем сказали. Мистер Гриффин и мистер Гэтсби – «веселые, приятные джентльмены», хотя последний прячет под кроватью бутылки с виски. Достойный мистер Вэйл – суций дьявол «с язычком острым, как бритва», никто бы здесь ни дня не остался, кабы не миссис Вэйл – «настоящая леди и такая милая», «хотя некоторые говорят, что она любит хвостом повертеть, да и что удивительного с таким-то муженьком».

Перед тем как продолжить отчет о сделанном, суперинтендант наполнил себе и сержанту опустевшие бокалы. После опроса обслуживающего персонала он тщательно обыскал рощу. Результат – нулевой. Осмотрел в кладовке Маулди все, на чем могли сохраниться отпечатки пальцев; результат – тот же. Получил подтверждение от нескольких учеников, что после обеда Тивертон не раз выходил из столовой и возвращался туда. Нашел в комнате

Рэнча экземпляр романа «Мадемуазель де Мопен», иллюстрации к которому заставили его несколько скорректировать взгляд на школьное чтение. После чего покинул школу и нанес визит мистеру Уркарту в Стевертоне.

– После обычных адвокатских оговорок он объяснил, что мистер Вэйл как ближайший родич покойного может рассчитывать на значительную сумму денег; какую именно, он бы говорить не хотел, и т.д. и т.д. После смерти родителей мальчика он ведет его финансовые дела, а мистер Вэйл отвечает за образование. Мистер Уркарт – единственный душеприказчик и исполнитель завещания и сам рассчитывает лишь на небольшое наследство, во всяком случае, так он сказал.

Армстронг снова покачался на стуле, словно в поисках равновесия, и сержант бросил ему спасательный круг.

– Вам что-нибудь не понравилось в его словах, сэр?

– Поверьте мне, молодой человек, этот малый чего-то боится. Да и не только он – как мне показалось, половина тех, кто так или иначе втянут в это дело. Но тут начинается самое занятное. Я поинтересовался, что он делал в среду. Он раскипятился было – ну, это для адвокатов дело привычное, – но потом поведал мне весьма любопытную историю. Оказывается, он с утренней почтой получил анонимную открытку с почтовым штемпелем Сэдли, в которой его просят быть в Эджворт-Вуд, это меньше чем в миле от Сэдли-Холл, в час сорок пять, и отправитель сообщит нечто весьма для него важное. «Строго конфиденциально», – говорилось в конце записки, «сжечь по прочтении» – ну, обычное дело.

– И что же он?

– Что же – что? А, ну да, сжег, по его словам.

– Да нет, я не о том. Поехал он в Эджворт-Вуд, спрашиваю?

– Ага, Джордж, вы схватываете суть. Вам интересно знать, почему почтенный стряпчий обращает внимание на подобные сомнительные послания.

Вообще-то Пирсон ничего подобного не имел в виду, однако же торжественно наклонил голову.

– И, позволю себе предположить, никто не появился? – уточнил он.

– Ваше предположение верно, мой мальчик, если, конечно, Уркарт говорит правду. Теперь так. Если вся эта история – просто розыгрыш, вряд ли бы он стал избавляться от записки. С другой стороны, если встреча состоялась, ему непременно понадобится кто-то, кто мог бы подтвердить его алиби. Так или иначе я и его оставил dozреть. Завтра мы снова повидаемся, хотя он этого пока не знает. В общем, он теперь у меня на заметке, и я послал Уиллса и Джонсона узнать, не видел ли кто его или его машину в районе Эджворта. Правда, место это довольно пустынное.

– Вы хотите сказать, что, может, это он...

– Он мог совершить это, да. Но я сомневаюсь. Что, собственно, он выигрывает от смерти мальчика? – сущую ерунду. Нет, по поводу мистера Уркарта у меня другие мысли. Для стряпчего он живет совсем недурно, а? – вдруг ни с того ни с сего добавил суперинтендант. – Большая машина, превосходный дом, да и вообще... Ладно, там видно будет. А теперь, Джордж, хочу услышать, что вы думаете об этом убийстве.

Это был еще один любимый ход суперинтенданта, и Пирсон, как обычно, подыграл ему. Он почесал голову, посмотрел с грустной задумчивостью во взгляде на виски с содовой и пробормотал что-то в том смысле, что, увы, не видит пока за деревьями леса. Армстронг вздохнул так глубоко, что пуговицы на рубашке готовы были вот-вот оторваться, а усы заметно зашевелились. Теперь орудия были готовы к бою.

– Ну что ж, – сказал он, – посмотрим на деревья. Предположим для начала, что Вимис был убит там же, где нашли тело, между часом и четырьмя пополудни. Сократить этот промежуток времени мы можем?

– Ну что сказать, сэр, только полоумный решится на убийство во время спортивных состязаний. Сенное поле видно отовсюду, а интересующий нас стог – всего в тридцати ярдах от того места, где сидели иные из зрителей.

– Для точности – в двадцати шести с половиной, – с нарочитой небрежностью поправил сержанта Армстронг. – Но, в общем, я с вами согласен. Берем за точку отсчета два тридцать. Ну, допустим, два двадцать – в это время люди уже потянулись к площадке. Миссис Вэйл утверждает, что она оставалась у этого стога примерно до часа двадцати пяти, и, если бы это было не так, вряд ли бы в том призналась. Что вы о ней думаете, Джордж?

– Да ничего себе дамочка, это уж точно, – лукаво ухмыльнулся сержант.

– Ага, конечно, опять за свое. Юбочник! Никогда вам не стать детективом, сержант, – задумчиво протянул Армстронг. – Ну а если спросить меня, я бы сказал, что человек она не простой. И с нервами все в порядке. Интересно только, хватит ли у нее выдержки закусывать рядом с трупом.

– О господи, сэр, вы ведь не хотите сказать, что... – Сержант был ошеломлен.

– Я хочу сказать, что у нее достало бы сил задушить такого мальчишку, как этот. К тому же, не забывайте, речь идет о деньгах.

– Если говорить об этом мотиве, то как насчет старого Пердуна? – бесцеремонно осведомился Пирсон.

– Хм. Он сказал, что переодевался примерно полчаса. Полно времени, чтобы незаметно выйти и вернуться до прихода жены. Но мистер Уркарт утверждает, что школа преуспевает, Пердун прочно стоит на ногах, зачем ему идти на такой риск?

– Но ведь то же самое относится к миссис Пер... Вэйл, разве нет? – рыцарственно возразил Пирсон.

– В общем – да, возможно, но мы ведь не знаем, может, у нее есть какие-нибудь личные долги. Одевается она богато. К тому же не забывайте, как о ней отзывается обслуга.

Сержант непонимающе посмотрел на Армстронга.

– «Вертихвостка» – вот что было сказано. Больше мне из них ничего не удалось вытянуть. Но тогда намечается еще один возможный мотив. Допустим, она закрутила с кем-нибудь роман, Вимис поймал парочку на месте преступления, и ей, а также неизвестному ему надо было заткнуть рот парню, так я думаю.

– Н-но ведь она леди, сэр, – вот и все, что смог выдавить из себя сержант.

– А самое худшее, что может себе позволить леди, это припарковать машину в неподобающем месте. – Армстронг добродушно улыбнулся. – Ладно, переходим к следующим деревьям. Говорим только о тех, у кого были возможности. Тивертон? Отпадает. Гэтсби? Да, он мог в какой-то момент, до или во время выпивки, придушить мальчика и спрятать тело в багажнике. Но когда он спрятал его в стогу? После конца состязаний? Только так. Надо выяснить, где все они были между половиной пятого и семью; я должен был сделать это с самого начала. Далее – Симс. Был на площадке после двух пятнадцати. Но рядом были Гриффин и Маулди – слишком опасно. Гриффин? Но у него есть алиби, и довольно надежное алиби, – Маулди. Эванс? По его словам, он все время, до двух пятнадцати, гулял по роще. Место тихое и удобное для удушения, хотя никаких следов борьбы я там не обнаружил. Но опять-таки когда он мог перенести тело?

– Мистер Гриффин выкурил сигарету уже после обеда, так что до часа сорока пяти на улице, скорее всего, никого не было, – предположил Пирсон.

– Хорошо, мой мальчик, я совсем забыл про это. Хотя все равно тащить тело из рощи на сенное поле – дело довольно рискованное. Окон на эту сторону выходит немного, но нельзя быть уверенным, что никто не выйдет из здания. Правда, карандаш... Знаете, все было бы гораздо проще, если бы его владелец был в стогу вместе с миссис Вэйл.

Сержант снова болезненно поморщился.

– Ладно, если такой поворот вам не по душе, – хмыкнул суперинтендант, – что скажете насчет Рэнча? Еще один из команды напуганных. Слабое алиби. Утверждает, что почти все время был у себя в спальне. Мне показалось, что он смутился, когда я спросил, что за книгу он читает. Мог совершить злодейство между обедом и часом сорока, когда Гриффина не было в здании школы – хотя опять-таки, как он мог быть уверен, что его никто не видит. Далее, Маулди. Он простоват, а такие типы часто бывают способны на убийство, не говоря уж о том, что Вимис вполне мог вывести его из себя, но дело в том, что до встречи с Гриффин-ном Маулди все время оставался на кухне – обедал. И наконец, Роза. Слабое алиби на время между двумя и двумя тридцатью, но смущает то же, что смущает в отношении Симса. Остается еще таинственный незнакомец с голубыми глазами в коричневом костюме. До начала состязаний его никто не видел; впрочем, сомневаюсь, что видели и после.

– Думаете, Рэнч все выдумал?

– Уверен, так оно и есть, и очень хотелось бы знать зачем. О столь жалких попытках создать себе алиби мне вроде и слышать не приходилось. Так, подведем итоги. С точки зрения возможностей миссис Вэйл или Эванс – как, впрочем, и оба вместе – далеко опережают всех остальных. Не надо на меня глядеть с такой укоризной, молодой человек, свои сантименты можете оставить при себе. Далее следуют мистер Вэйл, Гэтсби и Рэнч; они идут голова в голову, хотя Рэнч среди них – темная лошадка. Ну а остальные – Тивертон, Гриффин, Симс, Маулди и Роза – застряли на старте.

– А как насчет мотива, сэр? – в голосе сержанта прозвучали разом уважение и тревога.

– Пока есть три варианта, – бросил суперинтендант. – Деньги, месть и молчание. По первому пункту выступают мистер либо миссис Вэйл; по второму – Симс либо Маулди; по третьему – миссис Вэйл и некто неизвестный.

– Да, для миссис Вэйл все складывается как-то неудачно. – Пирсон неловко поерзал на стуле.

– Мечь кажется мне наименее вероятным мотивом. Взрослые не убивают детей только за то, что те их обидели. Деньги? Что ж, как я уже сказал, досточтимый мистер Вэйл – человек вполне состоятельный; иное дело – его жена, она в этом смысле может вызвать некоторые подозрения. Но я лично ставлю на пункт третий. Если паренек что-нибудь узнал об интрижке, то он из тех, кто наверняка раззвонил бы об этом на всю школу. Тут, естественно, в первую очередь думаешь о миссис Вэйл, хотя и о Розе я тоже не забываю. Что же касается соучастника, этого самого некто... – Армстронг выдержал многозначительную паузу.

– Эванса?

– Вы сами назвали имя. Молод, привлекателен, полная противоположность этого ископаемого – директора. Плюс – карандаш в стогу сена. Плюс – они оба, он и миссис Вэйл, обедают на воздухе – любопытное совпадение. Надо бы поближе присмотреться к этим птичкам.

Сержант допил виски с содовой и уставился на дно бокала, надо полагать, в поисках свежих мыслей.

– Одного не могу понять, сэр, – заговорил он наконец, – почему вы даже не рассматриваете возможность того, что убил Вимиса кто-то из его соучеников?

– Не волнуйтесь, это я тоже имею в виду. Разумеется, в таком случае это могла быть только слишком далеко зашедшая шутка. Подростки друг друга не убивают, к тому же я кое о чем просто забыл вам сказать. Я немного поболтал с двумя-тремя из старших ребят – в школе их называют старостами. Чтобы выйти из школы, надо обязательно спросить у них разрешения. Так вот, никто за таким разрешением не обращался. Но положим даже, несколько человек выскользнули незаметно. Положим, они надели на бедного Вимиса. Быть может, сделали вид, что душат или даже казнят его при помощи гарроты в виде шнура. Но, по заключению медиков, мальчика сначала задушили руками, а потом, для надежности, накинута на шею

шнур. Так не шутят. Это умышленное убийство. К тому же я не верю, что такие глубокие царапины мог оставить мальчишка.

Сержанту показалось, что эти умозаключения, при всей их стройности, все же несколько шиты белыми нитками, так, словно Армстронг пытается опровергнуть определенную возможность, которую не изучал с присущей ему дотошностью. Пирсон добропорядочно подавил соблазн поинтересоваться, уж не подгоняет ли его начальник факты под свою версию, хотя, надо признать, резоны, выдвинутые против миссис Вэйл и Эванса, выглядят убедительнее других. Выдержав довольно продолжительную паузу, он тактично спросил:

– Правильно ли я понимаю, сэр, – главный констебль пока не собирается связываться с Ярдом? После того как вы раскрыли прошлогоднее убийство в Кроли, вряд ли он считает, что мы нуждаемся в сторонней помощи.

– Нет, на настоящий момент он оставляет расследование за мной, – с оттенком признательности ответил суперинтендант. – Иное дело, что к нам едет один малый, некий Стрейнджуэйс; это племянник заместителя комиссара. Сам он себя называет частным детективом, любителем, хотя на его счету несколько удачно проведенных дел. Эванс еще утром телеграфировал ему. Насколько я понимаю, они друзья, так что можно ожидать, что он будет всячески вставлять нам палки в колеса. Тем не менее остановится он в школе и, возможно, сумеет выяснить то, что мне хотелось бы знать больше всего.

– И что же это такое, сэр?

– Как убийце удалось выманить Вимиса туда, где он мог совершить убийство.

Глава 6

Два лопнувших воздушных шара

И снова Суини, дежурный по школе, звонит в колокольчик. Он что-то бормочет себе под нос, но слова его тонут в слитном гуле голосов, свидетельствующем о начале очередного учебного дня. Над школой все еще нависает тень смерти, но здесь его разрезают лучи привычного солнца. В общежитиях, где школьники носятся по коридорам, думая о неприготовленном уроке, матче по крикету, приближающихся каникулах, тень наиболее прозрачна. Подвижный и легкий ум молодости избавляется от тяжести, какой могла сковать его трагедия, и устремляется в вольный полет, хотя два-три пятна, не стертых еще солнечными лучами, угадываются и здесь. Учителя одеваются в своих крохотных монашеских кельях. Хотя за окнами уже радостно улыбается утро, ночь еще цепляется за свои права. Не отсюда ли, из какой-нибудь комнаты, исходит тьма, чтобы поразить все вокруг? Не здесь ли таится корень и центр зла, укрытый от света, как некий первобытный монстр? И, довольный содеянным, не погрузился ли этот монстр опять в дрему? Или выжидает – враг, скрывающийся за добродушной улыбкой, обыкновенным лицом, знакомым обликом?

Так или примерно так размышлял Майкл, нарочно стараясь максимально усилить свои дурные предчувствия, выписывая затейливые фигуры на тонком льду, который, как можно было услышать, уже начинал потрескивать под ногами. Карандаш. Много ли на самом деле известно суперинтенданту? Возможно ли, что совсем никто не видел их с Геро в стогу сена? В тот день им казалось, что все спокойно, все невинно. Тогда их было лишь двое в мире, а теперь этот мир нависает над ними, как над взрослеющими детьми, и уж виден конец невинности. «Плата за грех – смерть», – мелькнула у него в уме безжалостная, фатальная строка. Майкл нетерпеливо потряс головой. Конечно, надо избавляться от этих старомодных предсудков. Так нет, они словно берут и берут жизнь взаймы. Он вспомнил полушутливые слова Найджела: «Мы не рождены быть счастливыми. В какой-то момент начинает казаться, что избавился от всех бед, но тут они снова на тебя наваливаются». Ладно, хоть Геро он должен уберечь от всего этого. Любовь у них никто отнять не может, и если для ублажения ревнивых богов нужна взамен жертва, то пусть этой жертвой станет он. Пусть возьмут его и накинута ему петлю на шею. О господи, подумал Майкл, можно подумать, что это моих рук дело; что, право, за мелодрама в стиле какого-нибудь мерзкого убийцы, который, дабы успокоить свою совесть, пишет предсмертные признания. Я невиновен. А невинных не казнят. Или по-всякому бывает? Ладно, Найджел докопается до правды...

Мистер и миссис Вэйл завтракали. *Ну что ж, я сама на это напросилась, думала Геро, сама накликала большую беду, чтобы разрубить узел, и вот тебе пожалуйста. Что ж, беда пришла, да только узел, кажется, затянулся еще туже. Не могу я бросить Перси сейчас, когда он чувствует, что земля у него из-под ног уходит. Дело не в чести и не в долге. С напыщенными абстракциями бороться можно, а вот с этой женщиной, что властно управляет тобою изнутри, – нет. Интересно, что Майкл сказал этому полицейскому?*

– Да, Перси, так что там мистер Стрейнджуэйс? – Геро обладала счастливой способностью жены слушать мужа, а разговаривать с собой.

– Насколько я понимаю, этот мистер Стрейнджуэйс – человек способный и со связями. Как ты знаешь, пригласить его предложил Эванс, чтобы был кто-то, могущий... э-э... проследить за ходом разбирательства в интересах школы. Мне только что сообщили, что поезд, которым он едет, прибывает в Стивенсон в двенадцать сорок. У Эванса в это время нет занятий, и он собирается встретить своего товарища на вокзале. Может, поедешь вместе с ним и привезешь мистера Стрейнджуэйса сюда?

– Хорошая мысль. Мы могли бы вместе пообедать. Только мне надо по магазинам пройти. – В другое время даже Персиваль Вэйл мог бы уловить в голосе жены слишком уж подчеркнутую небрежность. Но сейчас его мысли были заняты другим.

– Я вовсе не сожалею о его приезде, дорогая, – озабоченно сказал он, – тем более что мне совершенно не нравится направление, в котором пока ведется расследование.

– Но почему? Суперинтендант, он что, донимает тебя расспросами о завещании?

– Нет. По правде говоря, он этого вопроса вообще не касался. Не понимаю, кстати, почему. Но я решительно против того, чтобы подозревали кого-то из моих работников.

Геро вдруг крепко стиснула под столом ладони и резко бросила:

– Как тебя следует понимать?

– Это совершенно смехотворно со стороны суперинтенданта. В стогу сена, где задушили беднягу Эджернона, я нашел карандаш мистера Эванса. Конечно, он обронил его во время соревнований по борьбе. Но Тивертон по секрету сказал мне, что полиция взяла этот факт на заметку и придает ему серьезное значение. Совершенно напрасно, разумеется. Чтобы мой учитель был связан с таким происшествием! Дикость.

Директор раскипятился не на шутку. Но у его жены сердце ушло в пятки. Ну вот, вот оно и пришло. Какими же идиотами надо быть, чтобы так искушать судьбу. Я всегда говорила: только в момент испытания понимаешь, насколько ты смел. Вот этот момент и пришел. Ну, так и дерзай, докажи свою смелость. Думай, крепко думай! Что будешь делать? Слава богу, удастся переговорить с Майклом еще до того, как этот вонючая ищейка-полицейский снова здесь появится. Впрочем, Майкл и так знает, что делать. Вот именно. Оставь ему решать это дело. А то распахивалась, как слабонервная школьница.

Но Геро не удалось обсудить с Майклом дальнейшие шаги до тех пор, пока этот разговор утратил смысл. В десять утра в школе появился Армстронг и попросил мистера Эванса уделить ему несколько минут. Майкл прошел в приемную. Суперинтендант встретил его довольно дружелюбно, но теперь он уже не был для Майкла полной загадкой: он почувствовал исходящую от него силу власти и неясную пока угрозу.

– Итак, мистер Эванс, – серьезно заговорил Армстронг, – я должен задать два-три вопроса, которые, боюсь, могут вам не понравиться. Но я уверен, вы отдадите себе отчет в том, что, коль скоро речь идет о тяжком преступлении, интересы правосудия перевешивают любые соображения личного характера.

Майкл вздохнул про себя с облегчением. К человеку, подозреваемому в совершении убийства, так не обращаются.

– Естественно, – кивнул он.

– Мистер Эванс, вы сказали, что, гуляя по роще, вы иногда поглядывали в сторону сенного поля, верно?

– Ну да, по-моему, да – раз или два взглянул.

– Миссис Вэйл случайно не заметили? – Внимание, опасность. Если сомневаешься, говори правду.

– Нет, ведь она забралась в стог, ведь так? А издали внутрь не заглянешь.

– Ясно. И вы готовы поклясться, что лично вы не видели никого, кто шел бы в сторону сенного поля, пока вы оставались в роще?

– Да, только не понимаю, что вам это дает. Повторяю, поле оставалось в пределах моего видения не более нескольких минут в общей сложности.

Армстронг потер подбородок, сдвинул брови и сказал, заметно колеблясь:

– Что ж, очень жаль. Если бы вы чаще или вообще главным образом смотрели в ту сторону... ну, а коли так, то я лишь укрепляюсь в той версии, которую мне совсем не хотелось бы оглашать. – Суперинтендант нерешительно замолчал.

– Слушайте, о чем вы? – Предчувствие того, что он сейчас услышит, заставило его повысить голос.

– Понимаете ли, сэр, хоть и не без труда, но я пришел к выводу, что стоит рискнуть и поделиться с вами кое-какими соображениями. Повторяю, буду только рад, если кто-нибудь докажет мне, что они неверны. Даже мы, полицейские, не получаем такого уж удовольствия, выдвигая обвинение против... надеюсь, вы понимаете, сэр, что все, что я собираюсь сейчас сказать, имеет сугубо конфиденциальный характер.

– Да. Слушаю вас.

– Ну что ж, в таком случае на данный момент наиболее убедительной представляется версия, согласно которой убийство произошло во время обеда и совершала его миссис Вэйл, с молчаливого согласия – или без него – своего мужа. – Суперинтендант выложил все это так, будто пытался победить собственные сомнения в истинности того, что он говорит. Во взгляде его угадывалось сочувствие, но смотрел он на Майкла прямо и твердо. Тот, не в силах сдержаться, вскочил на ноги. Его переполняли ярость, возмущение, страх и некое самого низкого свойства облегчение.

– Замолчите! Вы, должно быть, умом тронулись. – Майкл почти кричал. – Даже слушать не хочу! Это полная дикость. Надо быть совершенным безумцем, чтобы вообразить, будто... – Армстронг поднял руки.

– Пожалуйста, сэр, присядьте и выслушайте меня до конца. Наверное, я слишком резко сформулировал мысль, но, по-моему, будет только справедливо, если вы узнаете факты, которые заставили меня прийти к такому выводу.

И Армстронг упомянул про завещание, по которому Вэйлы получают значительное наследство, и заявил, что иных мотивов совершения преступления он пока не видит. Помимо того, добавил он, директору или его жене куда проще, чем кому бы то ни было, пригласить мальчика выйти на сенное поле или в иное место, где он будет убит, не вызывая у того никакого удивления. Например, можно было сказать, что сразу после занятий устраивается пикник. Помимо того, продолжал суперинтендант, надо иметь в виду, что передвижения всех остальных работников школы в указанный период находят убедительное подтверждение, правда, за одним исключением, каковым – буду откровенен – являетесь вы. Но у вас, не говоря уж обо всем остальном, явно нет мотива.

Будь Майкл способен мыслить так же ясно, как обычно, он наверняка заметил бы в импровизированных построениях Армстронга зияющие дыры. Но неожиданная перегруппировка событий, в результате которой возникла совершенно новая, в голове не укладывающаяся схема, этой способности его лишила, так что теперь он мог думать только о том, какую позицию во вновь возникшем положении следует занять ему лично. На это Армстронг и рассчитывал и, не давая Майклу возможности правильно расположить свои силы, бросил на него острый взгляд и продолжал наступление:

– Я не утверждаю, конечно, что моя версия неопровержимо верна, просто она единственная, в которую укладываются имеющиеся на данный момент факты. Трудность, с вашей точки зрения – с точки зрения человека, полагающего, естественно, что миссис Вэйл ни в чем не виновна, – заключается в том, что в указанное время она находилась на сенном поле одна. Именно поэтому я и спрашивал, не видели ли вы там кого-нибудь еще. Любое свидетельство, подтверждающее, что Вимиса там и тогда не было, естественно, уменьшает подозрения против миссис Вэйл, если не устраняет их вовсе. Но коль скоро...

Суперинтендант печально – что, безусловно, заслуживало восхищения – пожал плечами и дал понять, что беседа закончена. У Майкла бешено металась мысль в голове. Следует ли ему признаться в убийстве? Или это будет ненужным донкихотством? Нет, вот так, с ходу, ему ни за что не подогнать детали к имеющимся фактам. Сказать, что они были с Геро, – значит почти наверняка раскрыть их связь и навлечь позор на обоих, но это хотя бы

избавит ее от более страшных подозрений. Да, придется рискнуть. Рука суперинтенданта уже тянулась к дверной ручке; за массивной спиной Майклу было не видно, что костяшки пальцев у него побелели и напряглись.

– Одну минуту, суперинтенданта.

Армстронг медленно повернулся, на лице его было написано легкое удивление – трудно поверить, что это выражение лица человека, который, имея на руках слабые карты, удачно сблефовал.

– Да, сэр?

Майкл никак не мог унять невольную дрожь. Даже с голосом своим ему было трудно справиться.

– Вы там говорили что-то о конфиденциальности, так вот у меня к вам та же просьба. Можете ли вы обещать, что если то, что я сейчас вам скажу, окажется не имеющим отношения к делу, не пойдет дальше вас?

– Знаете ли, сэр, такие обещания давать довольно трудно. Но могу заверить, что, если нам удастся решить проблему, мы не будем оперировать никакими свидетельствами, если только они не помогают разоблачить убийцу.

– Очень хорошо. Я был там, на сенном поле, вместе с миссис Вэйл с часа до часа двадцати пяти. – Слова вылетели у него изо рта так, словно уже сами по себе жаждали выручить Геро из беды. Суперинтенданта воззрился было на Майкла, но быстро взял себя в руки:

– Вы понимаете, сэр, что это весьма серьезное дело? Вы и миссис Вэйл своими ложными показаниями препятствовали действиям полицейских при исполнении ими служебных обязанностей.

– Да понимаю я, все понимаю. Но вы должны понять, что не могли мы открыть правду. Скандал...

– Ясно, сэр. Конечно, то, что вы говорите, вроде бы обеляет миссис Вэйл, но с другой стороны, как поверить вашему второму утверждению, если первоначальные представляют собой нагромождение лжи и обмана? – Суперинтенданта замолчал.

– Вы должны, должны поверить мне! – вскричал Майкл. – Вы ведь сами сказали, что, если бы кто-нибудь видел, что миссис Вэйл была не одна, это сняло бы с нее подозрения. – Он овладел голосом и продолжал более спокойно: – Так вот, клянусь, что мы с миссис Вэйл были вместе и племянника ее не видели.

Да, это уж точно, вместе вы действительно были, подумал Армстронг, только кажется мне, что и племянника, к несчастью для него, тоже видели.

– А если вам нужны еще какие-то пояснения, – продолжал Майкл, – вместе мы были, потому что любим друг друга.

– Так я и подумал, – сухо заметил Армстронг и, улыбнувшись более приветливо, добавил: – Ну что ж, сэр, вы устроили нам целое представление, но сейчас я склонен думать, что вы говорите правду. Все это останется между нами, если, конечно, не возникнет какая-нибудь острая необходимость. И я прошу вас сохранить наш разговор – целиком – втайне от всех, кроме миссис Вэйл.

– Да, но как же... Стрейнджуэйс?

– Ах да, я и забыл было. Да. – Суперинтенданта как-то странно понурился. – Полагаю, вам стоило бы дать мне разрешение поделиться с ним информацией, которую я нахожу особенно существенной. А уж потом, если угодно, вы сможете более подробно описать свои взаимоотношения с миссис Вэйл. А теперь еще лишь два вопроса. Что вы делали, расставшись с миссис Вэйл?

– Пошел в рощу, где и гулял, как я и говорил вам, до двух пятнадцати.

– Ясно. И второй вопрос: где вы находились между концом соревнований и вечерней переключкой?

– В общем зале. Мы все там собрались попить чаю.

– А потом?

– Я остался там почитать и читал до семи. В тот день Тивертон дежурил по школе, и все время то входил, то выходил. Да, Гриффин пошел после чая проверить, прибрался ли Моулд на спортивных площадках. Другие оставались на месте.

– До семи? Уверены?

– Вполне.

Армстронг поблагодарил и вышел из комнаты. Майкл вернулся в класс с чувством огромного облегчения. Да, конечно, шар лопнул, но это было практически неизбежно. Наверное, можно было поскрытничать еще немного, но зато теперь Геро в безопасности, а это главное. А суперинтендант не такой уж скверный малый. Если бы Майкл слышал, что говорит самому себе Армстронг, идя перекинуться парой слов с Геро, он, возможно, изменил бы свое мнение.

– Мотив! Сам выложил! – взорвался суперинтендант, стискивая в кармане правый кулак. Что Армстронг был отличным, хотя и неразборчивым в средствах, тактиком, наверное, уже стало достаточно ясно. Но ему не хватало объемного стратегического видения, иначе он бы спросил себя, отчего удалось с такой легкостью заставить выдать мотив мужчине, совершившего убийство, только ради того, чтобы сохранить в тайне свою грешную любовь.

Избавившись от оставшихся позади подозрений, Майкл и Геро ехали в Стевертон. Это было их первое свидание после того безумного получаса, что они провели в стогу сена. Ладонь Майкла лежала на ее колене. За минувшие несколько дней они чувствовали себя словно заметно постаревшими; счастливыми, но измученными, как бывает, когда после долгого штормового плаванья впереди мерцают огни берега. Стиль вождения выдавал характер Геро; сдержанная и сосредоточенная, она могла в какой-то момент потерять терпение, и тогда езда превращалась в настоящую гонку. В критический момент она, случалось, теряла на мгновение голову. Пока ей в таких случаях сопутствовало счастье дурака, и, справившись с собой, она вновь крепко сжимала руль и обретала привычное хладнокровие – до очередного срыва. Геро свернула с главной дороги на ручеек и, подпрыгивая на ухабах, въехала в ворота и остановила машину за плотной стеной кустарника. Оказавшись, таким образом, в укрытии, она взяла Майкла за руку и положила ему голову на плечо.

– Я так рада, что все это кончилось, дорогой. Честное слово, безумно рада. Но что заставило тебя изменить планы и все рассказать суперинтенданту?

– У меня выбора не осталось. Видишь ли, он решил... – даже сейчас Майклу с трудом давались слова, – он подумал, что это твоих рук дело.

– Моих? Ты уверен? А мне говорили, что подозревают тебя. О господи, какой ужас! Нынче утром Перси сказал, что полицейские нашли в стогу сена твой карандаш, и мне представилось, как тебя сажают в тюрьму, а потом набрасывают петлю на шею. – Геро задрожала всем телом и разрыдалась

– Геро, радость моя, не надо плакать. А то и я не выдержу. У меня такое чувство, что все внутри переворачивается.

Она неловко рассмеялась и вытерла рукавом слезы.

– Знаешь, оказывается, я гораздо слабее, чем думала. – И она передала ему свой разговор с суперинтендантом: мистер Эванс, сказал он, изменил свои показания, и можете ли вы подтвердить его нынешние слова. – Конечно, я подтвердила. Майкл, мне безумно стыдно признаться в этом, но, знаешь, я сначала подумала, что тебе просто стало страшно, оттого ты все ему и рассказал. Прости меня, пожалуйста.

Майкл выразил прощение в страстных поцелуях.

– Так я и впрямь испугался, – сказал он, – у меня в голове помутилось, когда он сказал, что подозревает тебя. Я готов был на части его порвать.

– Вот здорово было бы. Мне он совершенно не нравится. Эти противные пороссячьи глазки, эти скользкие манеры. Мне кажется, он на все способен – может, уже заказывает веревки для нас обоих, – со смехом добавила Геро.

– Ну, не такой уж он все же злодей. Вполне ведь мог большой шум поднять, когда выяснилось, что мы его обманываем. А так – дал мне полную возможность доказать, что его версия неверна.

– И все равно я ему ни на грош не верю. Знаешь, Майкл, – явно противореча сама себе, добавила Геро, – у меня такое ощущение, будто мне дали передышку и выпустили из тюрьмы. Трава зеленее обычного, и небо более голубое, и птицы специально для нас поют. Мне хорошо. И я думаю, мы тоже должны вести себя хорошо. Я думаю, надо обо всем рассказать Перси.

– Да нет, лучше попридержать язык, а то все выйдет наружу и наше грязное белье будут полоскать на публике. Твоя психологическая мотивация кажется мне очень сомнительной.

– Какой ты иногда злой бываешь, Майкл. – Геро вспыхнула и немного напряглась. – Ненавижу эти разговоры о психологических мотивах. Какой смысл в том, чтобы перетирать дурные причины, когда делаешь доброе дело?

– Я не сказал «дурные причины».

– Да брось ты, не валяй дурака. Ты и сам не хуже моего знаешь, что, говоря «психологические мотивы», ты всегда подразумеваешь худшее. Может быть, и у нашей любви есть психологические мотивы, но о них ты почему-то не заикаешься. Не сомневаюсь, что это еще впереди, когда ты от меня устанешь.

– Ну зачем ты так, Геро. Нельзя нам сейчас ссориться. Никак не могу прийти в себя после этого несчастного убийства. Ты и представить себе не можешь, каково нам всем было, когда мы собрались в зале. Каждый смотрел волком на соседа. Гэтсби с Рэнчем, так те вообще накинулись друг на друга, Тивертон готов был голову кому угодно оторвать. Гриффин – кажется, единственный, кто не поддался общему безумию. Но, думаю, ты права, надо все рассказать Перси.

– Ну и слава богу. Ты же понимаешь, милый, я вовсе не то имела в виду, ну, когда сказала, каким ты бываешь злым. И все же давай несколько дней выждем, пусть придет в себя.

– Что, он так тяжело это принимает?

– А ты чего ожидал? Школе конец, и все такое прочее. Об Элджерноне-то он, кажется, вовсе забыл. Хотя упрекать его в этом, конечно, не надо. Бедняга, школа для него – единственный свет в окне.

– L'école c'est moi⁸. Что ж, остается надеяться, что Найджел найдет убийцу где-то на стороне.

– Расскажи мне о нем. Нам, наверное, пора. По дороге и расскажешь.

– Найджел? О, это отличный парень. Мы в Оксфорде вместе учились... ради всего святого, смотри на дорогу, а не на меня, а то мы едва в канаву не угодили...

– Ты такой чудесный, что глаз не оторвать.

– Итак, говорю, в Оксфорде вместе учились. Но он выдержал только два года, спектакль, на котором донимают такое количество молодых людей, ломая им всю будущую жизнь, – это оказалось для него слишком. В Кэмбридже, поговаривали, спортсмены были еще спортивнее, а умники еще умнее, и он решил от дальнейшего обучения отказаться. На все экзаменационные вопросы ответил в форме лимериков – думаю, ответы были весьма

⁸ Школа – это я (*фр.*).

хороши, у него вообще мозги работают что надо, – но преподавателям они не понравились, современная поэзия им не по душе, и Найджела отчислили. Он немного поездил по миру, изучал языки. Затем осел и занялся расследованием преступлений; по его словам, это единственное занятие, которое дает простор хорошим манерам и удовлетворяет научное любопытство. Он весьма успешен, зарабатывает кучу денег. Это Найджел вел дело о похищении алмазов герцогини Экской и еще несколько дел, связанных с крупным шантажом; правда, в прессе они освещались меньше.

– Да, но что он за человек?

– Что за человек? Ну, пожалуй, немного похож на какой-нибудь из самых неудачных бюстов Е.Е. Шоу. Нордический тип. Не без странностей, и, рискну предположить, выходки эти – нечто вроде защитной реакции организма. В любом случае у тебя дома все время должна быть кипяченая вода, он пьет чай в любое время суток. И не может заснуть, если кровать не застелена самым основательным образом. Если ты не предоставишь ему одеял как минимум на троих, рискуешь утром увидеть растерзанный ковер или сорванные шторы.

– Дикость какая-то.

– Да нет, он тебе понравится. Поверь, это простая душа...

Фигура мужчины, шагнувшего на платформу из двери вагона первого класса и направившегося в их сторону несколько страусиной походкой, никак не отвечала яркому описанию Найджела. Во всяком случае, так показалось Геро. Найджел Стрейнджуэйс близоруко мигнул и склонился над ее рукой со старомодной вежливостью, слегка подпорченной угловатостью его движений. Он отпустил пару ничего не значащих замечаний, банальность которых была отчасти смягчена его звучным и глубоким голосом, и все трое зашагали к машине. Геро рассчитывала расширить знакомство за обедом, но обед пришлось отложить. Муж попросил ее отвезти записку Джеймсу Уркарту. Она припарковалась рядом с «Даймлером» стряпчего, прямо у его дома. Не успела Геро протянуть руку к звонку, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге появился маленький, с одутловатым лицом мужчина. В руках он нес чемодан.

– Послушайте, Джеймс, – попыталась остановить его Геро, но он скатился по ступенькам, столкнулся на дорожке с каким-то незаметным человечком, отшвырнул его в сторону и рухнул вместе с чемоданом на переднее сиденье «Даймлера». На ступенях послышался топот, но еще до того, как суперинтендант и сержант успели выйти из дома, Уркарт уже завел машину, вновь оттолкнул незаметного человечка, поднявшегося с земли и попытавшегося ухватиться за руль, и был уже в двадцати ярдах от дома. Армстронг бросил взгляд на Геро и Майкла, заколебался на мгновение, затем бросил несколько указаний сержанту и запрыгнул в машину Геро. Предвкушая развитие событий, Майкл сел на водительское место.

– Следуйте за этой машиной! – рявкнул суперинтендант. – Далеко он все равно не уедет, но чем быстрее мы его достанем, тем лучше.

Геро свернула на заднем сиденье, куда ее с максимальным тщанием и твердостью посадил Майкл. Как говорится, *in median res*⁹, успел он при этом заметить.

Майкл бросил машину вперед, проскользнул между автобусом и продавцом сэндвичей, торговавшим на углу своей снедью, и в результате ряда резких поворотов и торможений влился в поток машин на Хай-стрит. «О смерть, о смерть, – хрипловатым баритоном запел Стрейнджуэйс, – насколько ж ты горька тому, кто в мире жить привык в довольстве, радости, покое». Вызывающе мигнув габаритами, широкий корпус «Даймлера», ехавшего в пятидесяти ярдах впереди, неловко втиснулся в поворот. Майкл сбросил скорость до сорока, машина пошла юзом и на какое-то мгновение, казалось, повисла, словно ползущий вниз лифт, затем снова нажал на акселератор, свернул в переулок и выскочил к железнодорож-

⁹ В середине дела (*лат.*). Здесь: в гуще событий.

ному переезду, над которым как раз начал опускаться шлагбаум. В Майкле за рулем несущегося на большой скорости автомобиля почти невозможно было узнать респектабельного, быть может, немного неврастеничного преподавателя школы Сэдли-Холл. Словно бывалый охотник, он успел проскочить под шлагбаумом, который, как наждаком, прошелся по задним крыльям автомобиля.

– У вас что, машина прыгать умеет? – пробормотал Найджел на ухо Геро и прикрыл глаза. Суперинтендант бросил встревоженный взгляд на Майкла, но тот, не отрываясь, смотрел вперед, безмятежно улыбался и явно не думал в очередной главе своего повествования о жертвах.

Теперь они ехали по открытой местности, взбираясь на третьей скорости по длинному подъему. Деревья то приближались к ним вплотную, то отступали, бесконечной цепочкой, словно конвейер, тянулся вдоль дороги кустарник, шины скрипели, впиваясь в меняющееся покрытие, а впереди, на том же расстоянии, шел «Даймлер». Они перевалили через вершу холма, перед ними открылся крутой спуск, и Майкл бросился вниз, как стремительно пикирующий аэроплан. Стрелка спидометра быстро поползла вверх: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, семьдесят пять. Армстронг высунулся наружу и почувствовал, как под напором ветра у него трепещут веки. «Даймлер» теперь казался крупнее, и можно было разглядеть подпрыгивающего на сиденье и с трудом удерживающего в руках рулевое колесо водителя. Стрейнджуэйс привлек к себе Геро, заметил, что тут интереснее, чем в кино, и запел арию из «Иосифа в Египте». Золотистые волосы Геро метались на ветру, как если бы ее голову обдувал электрический фен, глаза сверкали, и губы изгибались в экстатическом восторге. Даже суперинтендант забыл про свои тревоги и, охваченный общим возбуждением, начал, к изумлению спутников, издавать высоким тенором охотничьи выкрики.

Промелькнул красный треугольник: впереди слепой перекресток. Впереди – «Даймлер». Из-за амбара справа высунул нос крохотный «Остин»: водитель в ужасе бросил взгляд на стремительно летящий на него сверху снаряд, всплеснул руками и остановился почти посреди перекрестка. Левая рука Майкла метнулась вниз, к тормозу, другой он резко вывернул руль направо. Едва не врезавшись в хвост «Остина», он резко взял налево и с силой нажал на тормоз. Шины завизжали, справа на машину начала рушиться какая-то стена, но Майкл успел снова вывернуть руль вправо, и она будто застыла посередине, а потом осталась позади. Пронесло.

– Майкл, милый! – выдохнула Геро.

– Хорошенькое дело, – сказал Найджел.

– Отлично сработано, сэр, – проговорил суперинтендант и уставился вперед. «Даймлер» метался из стороны в сторону, как разъяренный бык. Наверное, Уркарт неосторожно посмотрел назад, дабы убедиться, что его преследователи разбились на перекрестке. При этом у него лопнула шина. Машину потащило по касательной в кювет, ее огромный корпус поднялся на передних колесах, взметнулся в воздух, как игрушка, перелетел через заросли кустов и рухнул в чистое поле, выбросив по дороге черную человеческую фигурку, чемодан и несколько подушек, разлетевшихся и попадавших по отдельности на землю, словно их выплюнул из жерла вулкан. Все замерли, ожидая услышать страшный удар тела о землю, хотя даже грохот при аварии «Даймлера» остался почти неуловим за шумом работы их собственного двигателя. Когда тело исчезло за стеной кустов, все поморщились, как от боли, и будто согнулись на ветру. Майкл выпрямился, вылез из машины и зашагал вместе с суперинтендантом в поле. «Даймлер» был похож на груды металлолома. Уркарт тоже пребывал в плачевном состоянии, но при падении удар смягчили кусты, и он остался жив. Его быстро доставили в ближайшую деревню, под надзор местного врача, пока из Стевертона не приехала машина «Скорой помощи».

Армстронг решил остаться в больнице, пока Уркарт не придет в сознание – если вообще очнется. Он немного смущенно поблагодарил Майкла за помощь и пообещал, по возможности, вернуться в школу тем же вечером и все рассказать.

– А что, он... Джеймс... это тот, кого вы ищете? – спросила Геро, когда Армстронг уже уходил.

– Да нет, мадам, убил не он. Я буду очень удивлен, если ошибся... но вот что ему – если выкарабкается из этой передраги – придется познакомиться с тюрьмой изнутри, это я обещаю могу.

На том они и расстались, имея впереди часов семь покоя. После ужина, когда директор с женой, Майкл и Найджел толковали в гостиной о происходящих событиях, появился суперинтендант. Он вплотную подошел к Персивалю Вэйлу и мрачно объявил:

– Боюсь, сэр, у меня для вас очень печальные известия. Мистер Уркарт мертв. Перед смертью он сделал признание, которое, рискну заметить, лишь подтвердило мои соображения на его счет. Он слишком вольно обращался с собственностью вашего племянника. Брал время от времени крупные суммы и пускался в разного рода финансовые авантюры, как правило, неудачно. Мне кажется, он понял, что я обо всем догадался, потому что, когда я пришел к нему нынче утром, он просил передать, что встретится со мной через пять минут, и потратил эти пять минут на сборы того, что еще осталось – и можно было прихватить с собой – от средств мистера Вимиса. Я поставил у дверей своего человека в штатском, но Уркарту удалось ускользнуть от него. Что касается всего остального, мы должны выразить признательность миссис Вэйл за то, что она предоставила свою машину, и мистера Эванса за отличное вождение.

Директор, обхватив лицо дрожащими руками, погрузился глубоко в кресло, и Армстронг мог только догадываться, что скрывается за его чувствами.

– Понятно, – продолжал он, – что отсюда следует, что убийца все еще на свободе. Мистер Уркарт был бы последним, кто мог убить мальчика, ведь его смерть привела к немедленному разоблачению махинаций самого стряпчего. Насколько я понимаю, вы о них даже не подозревали, мистер Вэйл?

Директор поднял голову. Вид у него был как у человека, который видит, как рушатся последние опоры шатающегося мира.

– Полагаю, нет нужды уверять, что я обо всем этом не имел ни малейшего понятия, – глухо проговорил он.

– И все же у меня есть основания задавать этот вопрос, сэр, – и Армстронг пересказал содержание анонимной записки, заставившей стряпчего съездить в Эджворт-Вуд. – Видите ли, – продолжал он, – я никак не мог вообразить, что могло заставить мистера Уркarta откликнуться на такое сомнительное приглашение, разве что у самого него было на совести нечто такое, на что намекала записка. Теперь, когда нам известно, что совесть его действительно была нечиста, вполне можно предположить, что автор записки то ли знал об этом, то ли догадывался...

– А возможно, это был просто выстрел наугад, – перебил его Стрейнджуэйс.

– Это маловероятно. Вам известен, сэр, кто-нибудь из тех, кто мог раскрыть махинации мистера Уркarta? Иными словами, знаете ли, у кого могли быть личные отношения с вашим племянником?

– Нет.

– Очень жаль, сэр, потому что вряд ли можно сомневаться в том, что именно человек, отвечающий этим двум требованиям, написал записку, а автор ее и есть убийца.

Глава 7

Снова об этом

Весь следующий день Стрейнджуэйс провел, выражаясь его же словами, в обретении чувства места. В этом смысле у него было большое преимущество перед суперинтендантом. Его здесь не только принимали «за своего» – а именно так смотрел на Найджела общий зал школы, – он еще и обладал поразительной способностью приспосабливаться к любому кругу и любому обществу, в которых оказывался благодаря профессии. У него это получалось не потому, что Найджел был «свойским парнем», но потому, что он умел менять стиль поведения соответственно среде или выработанным навыкам социального поведения. Подлинный и очевидный интерес к человеку, с которым он в данный момент имеет дело – куда более искренняя форма лести, нежели простая имитация близости, – вот его пропуск в душу самых разных людей. Хотя на самом деле такой интерес был куда менее лестным, чем мог показаться со стороны, ибо проистекал не из сентиментального чувства, но из научного любопытства, притом что его глубоко внеличная природа скрывалась за личной живостью и хорошими манерами Стрейнджуэйса, и лишь немногие из тех, кто становился объектом общения с ним, осознавали, что на самом деле их просто рассматривают под микроскопом, принявшим человеческое обличье.

Давайте последуем за ним в его беспорядочных и на вид бесцельных блужданиях по школе. Позавтракал Найджел с учителями, и это уже было начало работы. Он медленно двигается по коридору между классными комнатами – точь-в-точь как три дня назад Майкл. Сначала – левый ряд. Директор ведет урок латыни. Густой, внушительный голос педагога старой выучки, созревший в лесу, потрескивающий и гудящий, подобно электрическим искрам, в напряженной, тугой тишине. Нет, думает Найджел, этому человеку не хватит нервов, чтобы совершить один тип убийства, и уж точно он слишком самодоволен, а ум его слишком академичен для другого. Школа – это символ и оправдание его человеческого «я». Его реакция на преступление – и на этом сходятся Геро и Майкл – чувство, будто делу его жизни нанесен огромный ущерб; это удар не только по его репутации, но и по нему самому. Это не придуманное, это подлинное чувство, я и сам это вижу. Невозможно представить себе, что такой человек, дабы завладеть имуществом, которое ему не нужно, способен совершить убийство, подрывающее престиж школы, а стало быть, сокрушающее его эго.

Найджел идет дальше. Гэтсби. Довольно заурядная фигура. Когда-то он был хорош собой, душа общества, пользовался большим успехом в небольшом, замкнутом кругу людей, думающих и чувствующих более или менее одинаково. Затем постарел, утратил внешнюю привлекательность и юношеский задор, круг распался, и он остался беззащитен. Что может помочь забыть про утраты? Выпивка, «любовные утехи», какой-нибудь наркотик. Он почти выдохся, остался лишь добродушный автомат. Почти, но, возможно, все-таки не до конца. Такие, как он, могут быть замешаны в каком-нибудь грязном «преступлении на почве страсти». Такие могут убить из страха, но не из мести. Интересно, как ему удастся вести такой монашеский образ жизни? В общении с учениками он не похож на гомосексуалиста, женоненавистника или кого там еще. Надо бы присмотреться к обслуге, за завтраком разносила еду симпатичная девчушка.

Ход его мыслей прервал оглушительный шум. Найджел инстинктивно подался вправо, откуда слышались причитания: «*Mon Dieu, quel huleberlu! Quel*, я бы даже сказал, *tohuhuhu!*»¹⁰ По партам стучали каблуки, на пол летели книги, или, что более вероятно, их кто-

¹⁰ Что за безобразие, что за кавардак (лом. *фр.*).

то швырял, уханье, стоны, пыхтение. Раздался чей-то ломкий, неуверенный голос: «Немедленно прекратите, вы, двое, а ну-ка на место. В чем дело?»

– Извините, сэр, но куда-то исчезла ящерица Помпо. Ой! Да вон же она, ползет у вас по ноге!

– Ящерица? О чем это ты, черт побери?

– Разве вы не знаете, что такое ящерица, сэр? Это пресмыкающееся с четырьмя лапками, с длинным хвостом и шишковатой кожей, водится в основном в тропиках.

– Хватит болтать, Понсонби, иначе я сообщу о твоём поведении мистеру Вэйлу. А ты, Бастин, говори, что это у тебя за грязная ящерица?

– Вовсе она не грязная, сэр, ее зовут Глостершир, потому что, видите ли, у нее очень длинный хвост, сэр.

– Да пошел ты, Помпи. Все равно мы уделаем твоих заплесневелых из Мидлсекса¹¹.

Вновь послышался страдальческий голос Симса. Ну прямо-таки овца, заблудившаяся в горах, подумал Найджел.

– Любой, кто заговорит без разрешения, останется после уроков. Ну а теперь, может быть, объяснишь, что это тебе взбрело в голову тащить в класс ящерицу? – Мертвая тишина. – Немедленно отвечай.

– Извините, сэр, вы не дали мне разрешения говорить.

– Молодец, все понял. Можешь говорить. – Симс издал неуверенный, едва ли не подострастный смешок.

– Понимаете ли, сэр, ей так одиноко в моей парте – смотри-ка! Эй, ребята, глядите, она старается проползти под дверь! – Шум в классе заметно усилился, несколько учеников навалились на дверь, и тут же раздался чей-то злобный визг:

– Черт бы тебя подрал, Стивенс Второй, ты оторвал ей хвост. Ну, ты у меня сейчас огребешь!

– Ой, испугался! Понимаешь, Помпо, она сама бросилась ко мне – ну же, говорит, ну же!

Бемс, бац, бух, плюх.

Стрейнджуэйс быстро отошел в сторону, но тут открылась дверь класса, где вел урок директор, и Найджел вновь остановился, на сей раз в безопасном удалении. Мистер Вэйл шагнул в ад. Сама горгона Медуза не могла бы произвести на него более сокрушительного впечатления.

– Весь класс остается после уроков, и каждый пишет мне объяснительную. Вы трое, Стивенс Второй, Бастин и Понсонби – ко мне в кабинет в двенадцать сорок пять, вас ждет порка. А вас, мистер Симс, попрошу на два слова.

Стрейнджуэйс двинулся в сторону общего зала. Мимо стремительно прошагал директор в сопровождении Симса, бледного, как убитый Гектор, волочащийся за колесницей. Стрейнджуэйс бесцеремонно сунул голову в дверь кабинета и стал свидетелем такой головомойки, от которой у него в ушах зазвенело. Бедняга, подумал он, ему в жизни не выпало ни единого шанса. А вот на Вэйла это очень похоже. Сарказм, чуть ли не презрение, говорить с учителем, как с учениками. Конечно, Вэйл разъярен, недисциплинированность роняет авторитет школы, а следовательно, оскорбляет его лично. Но честное слово, если бы кто-нибудь осмелился так говорить со мной, я бы свернул ему шею. Но Симс слишком слаб характерен для этого; психология раба. Настоящий комплекс неполноценности. Достаточно посмотреть, как ведут себя с ним школьники. Существует ли такой предел, за которым рабы восстают? И червь бунтует? Надо узнать, был ли Вимис среди его мучителей.

¹¹ Графство на северо-востоке Англии.

Покрасневший, весь дрожа, Симс вернулся к себе в класс, а Стрейнджуэйс продолжил обход. У двери в класс Гриффина он непроизвольно улыбнулся. Не сразу, но Найджел с его вопиющими провалами в знании прошлого и совершенно карикатурными представлениями о знаменитых людях сообразил, что идет урок истории. Гриффина Найджел оставил, как Генрих Восьмой оставлял своих жен, снося у них головы налево и направо. За честь оказаться на плахе шла ожесточенная борьба. Нет, если корни убийства тянутся сюда, подумал Найджел, я съем свою шляпу и вступлю в общество нудистов. Он двинулся дальше по коридору. Класс Тивертон. Здесь царит порядок, но достигнут он ценой непрестанных нервных затрат. Школьники отвечают на вопросы в более или менее приличных тонах, но чувствуется, если учитель хоть на миг ослабит психологический нажим, все изменится. Взаимной симпатии между ним и учениками нет; их даже страх не связывает, как связывает он директора и его подопечных. Сомневаюсь, что Тивертон выбрал свою профессию; у него есть энергия, но он не знает, как применить ее здесь. Будь у него побольше мозгов, мог бы стать неплохим естествоиспытателем или квалифицированным искусствоведам, будь у него деньги. Убийство? Сомнительно. Слишком много в нем от старой девы и слишком любит жизненные блага. Да и с волей негусто. Впрочем, вовсе со счетов его сбрасывать нельзя.

Стрейнджуэйс проследовал дальше и вдруг круто остановился у класса Рэнча. Так, а тут что? У него, можно сказать, имеется чуть ли не гениальная склонность к преподаванию, и за завтраком он мне показался таким заплесневелым учителем начальной школы, каких много. Судя по тишине, в классе царило сосредоточенное внимание. Говорил Рэнч уверенно и четко, а легкий акцент, свойственным жителям центральной Англии, придавал его речи какую-то особенную определенность. Терпелив, доходчив, хорошо знает свое дело, сказал себе Найджел. С мозгами у него явно все в порядке. Их явно достаточно для того, чтобы разработать тонкий план убийства и преисполниться неукротимым желанием молодого человека – выходца из среднего класса чего-то достичь в жизни. Могу представить себе, что он ни перед чем не остановится, если кто-то или что-то станет на его пути. Но Вимис-то тут при чем? Допустим, появилась какая-то угроза его карьере; допустим, Вимису стало об этом известно. Стоп! Пока мы только накапливаем впечатления; с версиями надо подождать, пока не появятся факты.

Прозвенел звонок – уроки закончились. Проемы дверей захлебнулись потоком учеников. Появился Эванс, потащил приятеля к своей классной комнате.

– Ты должен присоединиться к нам и сыграть роль Гамлета, иначе ничего у нас не получится. Ребята прослышали, что в школе появился еще один сыщик, так что, возможно, тебе придется прочитать лекцию по криминалистике.

Не прошло и нескольких минут, как Найджел, раздетый до рубашки с короткими рукавами, с картонным мечом в руках, оказался напротив Лаэрта в исполнении Анструтера. Найджел не был актером, однако же, при отсутствии драматического дара, он не мог пожаловаться на отсутствие уверенности в себе, и его решительная манера исполнения вскоре заразила остальных участников действия. Быть может, в нем сильнее хлестали чувства такого молодца, что старается перещеголять Термаганта, или было больше тех, кто старается переиродить Ирода¹², чем того хотелось бы принцу Датскому, но елизаветинский дух артистов компенсировал если не все, то многое. Лаэрт был свиреп, Гамлет предельно ироничен. Низкорослый паренек с кроличьим лицом, исполняющий роль Клавдия – камзол заменяла пурпурная скатерть, а корону жабо цвета яблочного пирога, – начал монолог:

– Вино на стол поставьте. – Двое слуг внесли бутылки с лимонадом, в то время как придворные отпускали скабрёзные замечания, в которых угадывался намек на слабости Гэтсби:

¹² См.: Гамлет, акт 1, сцена 2.

...Если Гамлет
Наносит первый иль второй удар
Или дает ответ при третьей схватке,
Из всех бойниц велеть открыть огонь.
За Гамлета король поднимает кубок,
В нем утопив жемчужину...¹³

Договорить королю не дали. Послышались вопли, вся компания зашлась в безудержном хохоте. Поняв, что эти конвульсии восторга могут продолжаться до самого конца представления, Майкл предложил ученикам задавать мистеру Стрейнджуэйсу вопросы. Класс ухватился за такую возможность и не один десяток минут донимал его этими самыми вопросами, в которых причудливо – и характерно для тринадцатилетних подростков – сочетались наивность и искушенность. В какой-то момент Анструтер спросил Найджела, а как бы он на месте Гамлета решил загадку смерти своего отца. Это открыло шлюзы, и Найджел все говорил и говорил, обращаясь к заворуженно внимающей ему аудитории. Когда стрелки часов переползли через десять тридцать, он заметил, что у одного из учеников родилась идея и ему не терпится поделиться ею. Он прервал свою речь.

– Тебя что-то особенное интересует?

– Извините, что перебиваю, сэр, – это был Стивенс, первый заводила класса, – но вам не кажется, что мы могли бы уличить преступника, разыграв сцену убийства, как артисты в «Гамлете» перед королем?

– Да, это хорошая идея. – Стрейнджуэйс отнесся к предложению с полной серьезностью. – Буду иметь в виду. Между прочим, – продолжал он, решив ковать железо, пока оно горячо, – если у кого-нибудь из вас есть и другие мысли по этому поводу, после обеда вы найдете меня в комнате мистера Эванса. Помните, все, что вам известно касательно Вимиса, любая мелочь, показавшаяся вам необычной, сколь бы незначительна на вид она ни была, может оказаться очень важной для расследования.

Прозвенел звонок, и Найджел вышел из класса, оставив позади себя дюжины верных поклонников, союзников, а возможно, и чрезмерно ретивых помощников.

Майкл с приятелем проследовали в общий зал, где их дружелюбно приветствовали собравшиеся там учителя. Тивертон протянул Найджелу портсигар и испытующе посмотрел на него.

– Что-нибудь не так? – Стрейнджуэйс взял сигарету и щелкнул зажигалкой. – Это ведь не опиум, я правильно понимаю? Или у меня чернильное пятно на кончике носа?

– Вот и конец еще одной иллюзии, – улыбнулся Тивертон. – Мне еще не попадались детективы, в которых герой, этот великий человек, не «извлек со всем тщанием сигарету», и всегда удивлялся, откуда бы такая разборчивость, если портсигар набит одними и теми же сигаретами марки «Плейерс».

– Просто болтовня, – заметил Рэнч, – трехсот страниц многовато для распутывания одного-единственного преступления, вот автор и заполняет пустоты то ли придирчивым выбором напитков, то ли курением, то ли совершением еще нескольких убийств.

– Будем надеяться, – оторвался от чтения «Дейли мэрриор» Симс, – что наш местный преступник не последует по третьему пути.

– О боже мой! – раздраженно повысил голос Рэнч. – Неужели так уж обязательно говорить на эту тему? Нам что же теперь, всем становиться маньяками, только потому что мы все подозреваем, что один из нас действительно маньяк?

¹³ Гамлет, акт 5, сцена 2 (перевод М. Лозинского).

Наступило напряженное молчание. Случилось, так сказать, первое явление правды, и, как обычно бывает в таких случаях, встретило оно соответствующий прием. Найджел скосил глаза на кончик носа и вроде бы погрузился в собственные мысли – на самом же деле тщательно вслушивался в звучание голосов. Гриффин отодвинул стул:

– Со стороны Исландии надвигается полоса низкого давления. Завтра пройдут ливни.

– Слушай, Рэнч, что это такое ты говоришь! – воскликнул Симс. – Ты что, действительно думаешь, что убийца – маньяк? Не очень-то вдохновляющее предположение.

– Ты-то, Симс, можешь не беспокоиться, никто тебя не тронет, – с едва скрываемым пренебрежением бросил Рэнч. Симс вновь погрузился в чтение газеты. Гэтсби, все это время тщетно пытавшийся вклиниться в разговор, откашлялся, оглядел, как гостеприимный хозяин, присутствующих, подчеркнуто проигнорировав Рэнча, и сказал:

– Ну и тему мы выбрали для разговора. Противно. Давайте сменим пластинку. Что скажете, Стрейнджуэйс, какой-нибудь прогресс наметился?

– Это не называется сменить пластинку, – воинственно сказал Рэнч.

Не обратив на него ни малейшего внимания, Гэтсби выжидательно посмотрел на Найджела с неестественным, как у подвергшегося гальванизации трупа, оскалом лица.

– Слишком мало времени прошло, мистер Гэтсби, – ответил Найджел. – К тому же я настолько увлекся жизнью подготовительной школы, что почти забыл, зачем приехал.

– И как вам наша жизнь? – с некоторой настороженностью осведомился Рэнч.

– Ну что сказать? Мне кажется, вашим мальчикам сильно повезло, что учатся они сейчас, а не тридцать лет назад. Отличный у вас общий зал. Смутно вспоминаю свою частную школу: окон нет, вместо них покрытая пылью застекленная крыша, рапира без наконечника в руках у одного и сломанная клюшка для гольфа в руках другого, на столе книга по латинской грамматике без переплета, бутылка прокисшего портвейна, подставка для зубных щеток. Отличная картина в экспрессионистском духе, образ школы начала XX века.

Послышался общий смех, который несколько необычным образом нарушил Гэтсби.

– В ваших воспоминаниях есть нечто, – глубокомысленно заметил он. – Да, говоря об образовании и о школе, я что-то никак не могу найти свою французскую книгу. – Он встал и начал проглядывать шкафчики, тянущиеся вдоль противоположной стены. – К тебе она случайно не могла попасть, Тивертон?

– Не могла, – отрубил Тивертон и круто повернулся на стуле. – И будь добр, не суй свой нос в мой шкафчик. Тебе прекрасно известно, что у нас в школе действует неписанный закон, запрещающий трогать в общем зале чужие вещи.

Симс встревоженно поднял голову, а Найджел снова скосил глаза к кончику носа.

– Ладно, ладно, – сердито проворчал Гэтсби. – Это я так, машинально. А ты, между прочим, «Любовника леди Чаттерлей» сюда не засунул?

Очередной взрыв возмущения со стороны Тивертон был остановлен появлением директора.

– А, вот вы где, Стрейнджуэйс? Знакомьтесь... э-э... с гением мести? Вам что-нибудь нужно, мы можем быть чем-нибудь вам полезны?

– Да, я бы с удовольствием выпил чашку чаю.

– Чаю? Ах да, конечно, чаю. Я скажу, чтобы вам налили чашку чаю в столовой.

Найджел с видом – для себя – едва ли не робким поинтересовался, нельзя ли принести не чашку, а целый чайник; на что директор ответил согласием, хотя и с несчастным видом человека, которого приглашают принять участие в игре с неизвестными ему правилами. Найджел как раз наливал себе третью чашку, когда объявился Армстронг. Уже по самым первым его замечаниям Найджелу стало ясно, что суперинтендант готовится к словесной дуэли, и он решил взять инициативу на себя.

– Как вам известно, – начал он, – я приехал сюда с вполне неофициальной миссией расследовать данное дело в интересах школы. Хотелось бы с самого начала заверить, что вам я ставить палки в колеса никоим образом не собираюсь. Напротив, я надеюсь быть полезным в решении проблемы, что поможет восстановить репутацию школы или, по крайней мере, воспрепятствует нанесению ей дальнейшего ущерба. И даже если я буду вынужден заключить, что преступник все же связан со школой, я сделаю все от меня зависящее, чтобы содействовать вам в доказательстве его вины.

– Что ж, сэр, все это следует только приветствовать.

– Чашку чаю? Нет? В таком случае сигарету? Теперь о моих дальнейших действиях. Я знаю, что вам, профессионалам, до смерти надоели всякого рода упражнения любителей. Поэтому предлагаю собрать воедино имеющиеся факты, и пусть каждый держит свои версии при себе до тех пор, пока не создастся более или менее полная картина дела.

Секунду-другую Армстронг сосредоточенно изучал носки своих ботинок. Он испытал смутное неудовольствие от того, что Стрейнджуэйс с самого начала захватил инициативу, как не в восторге был и от предложения собрать все факты в одну корзину, ибо пока только он их и добывал. С другой стороны, любитель находился в куда более выгодном положении, если иметь в виду дальнейшие находки. Так что в целом игра явно стоила свеч – лучше всего будет заключить сделку. Исходя из этого, суперинтендант представил Стрейнджуэйсу детальный и исчерпывающий отчет по состоянию дел на данный момент.

– Итак, сэр, вы сами видите, – заключил он, – что, хоть и решили мы держать до времени свои версии при себе, все факты указывают пока в одном направлении.

– Миссис Вэйл и Эванс?

– Да, – кивнул Армстронг, несколько удивленный такой реакцией, – именно так, хотя я и не ожидал, что вы так легко со мной согласитесь.

– Ну почему же? Эванс – один из моих ближайших друзей, но из этого не следует, что я готов закрыть глаза на улики, свидетельствующие против него. Позвольте суммировать все вами сказанное. Убийство было совершено либо кем-то связанным со школой, либо не имеющим к ней никакого отношения. Местоположение всех известных полиции местных бродяг и воришек более или менее установлено, да к тому же не найдено никаких признаков ограбления жертвы. Это, а также полное отсутствие каких-либо возможных мотивов практически исключают второе предположение, хотя вовсе игнорировать разговор Рэнча с каким-то неизвестным мужчиной перед началом соревнований нельзя. Теперь первый вариант. Временные рамки установлены – от часа до двух тридцати. Между часом сорока пятью и двумя тридцатью стога сена находились в поле зрения Гриффина и служащего стадиона. Между часом тридцатью и часом сорока пятью на улице не было никого, но заранее рассчитывать на это убийца не мог, и для него было бы чрезвычайно рискованно нападать на мальчика в поле или тащить сюда тело в то время, когда из школы может в любой момент кто-то выйти. Остается промежуток между часом и часом тридцатью, когда Эванс и миссис Вэйл, по их собственному признанию, находились именно там, где впоследствии было обнаружено тело мальчика, в то время как передвижения всех остальных нам могут быть подтверждены.

– Иными словами, сэр, обвинение против этих двоих представляется единственно возможным решением загадки. Но...

– Но у вас нет никаких фактов в его поддержку, кроме тесемки, которая могла оторваться от любого из миллионов воздушных шаров, и серебряного карандаша, более напоминающего даже не карандаш, а сломанный тростник.

– Поразительно, мистер Стрейнджуэйс. Мне никогда еще не приходилось сталкиваться с делом, в котором было бы так мало вещественных доказательств. Я до боли в глазах прочесал все поле, как и другие спортивные площадки. Довел до изнеможения своими вопросами обслуживающий персонал. Обыскал комнаты учителей, хотя им говорить это не обяза-

тельно. И ничего, ну буквально ни крошки не нашел. Но мотив остается, и у мистера Эванса и миссис Вэйл он наиболее очевиден.

— К слову, суперинтендант, удивительно, с какой легкостью вам удалось добиться признания этого мотива.

Армстронгу явно сделалось неловко, но пропустить мимо ушей слова Стрейнджуэйса он не мог и вынужден был рассказать, к каким уловкам прибег в ходе последнего разговора с Майклом. Найджел задумчиво слушал, изучая кончик своего носа, потом вздохнул:

— Ну что ж, нельзя сказать, что вы в лайковых перчатках воюете. Только не подумайте, будто я упрекаю вас в чем-то. Конечно, вам, ребята, трудно было бы ловить преступников, держась правил, которые они нарушают. Но есть два момента, за которые ухватится адвокат ответчика...

Армстронг, который в начале встречи с этим любителям оказался вроде как в положении защищающейся стороны, теперь вполне обрел уверенность в себе и попросил объясниться.

— Первое. Вряд ли убийца с самого начала признался бы, что находился на месте совершения преступления. Скорее он бы попытался придумать себе алиби либо перенес тело в другое место.

— Это может быть смелая попытка блефа — отвести подозрения, сразу же поставив себя в наиболее уязвимое положение.

— Согласен, не исключено, и все же... ладно, оставим это. Второй момент состоит в следующем. Если допустить, что убийство было совершено по указанным вами мотивам, то все же непонятно, почему преступник с такой легкостью в них признался. Ключевые позиции без борьбы не оставляют, а, судя по вашему рассказу, Эванс не очень-то старался их отстоять.

— Ясно, сэр. Должен признать, раньше мне это в голову не приходило. Конечно, он мог просто не справиться с нервами, хотя после вчерашнего дельца мое мнение о мистере Эвансе улучшилось. Значительно выросло. Что ж, будем работать дальше. Вижу, в моих советах вы особенно не нуждаетесь, и все же позвольте кое-что предложить. Видите ли, мне никак не удастся что-нибудь выудить из школьников...

— Чертовы снобы, во всяком случае, пари держу, большинство из них, — перебил его Найджел.

— Вот именно, сэр, — с благодарностью кивнул Армстронг, — а мне кажется, только они могут дать ключ к тому...

— ...Что понуждало Вимиса столь успешно держать втайне, пока убийце не представилась возможность заставить его замолчать навсегда.

— Право, сэр, вы либо умеете читать чужие мысли... либо вам, а не мне следовало бы вести то дело, — с неподдельным восхищением сказал суперинтендант и, в очередной раз отказавшись от чая — к немалому облегчению Найджела, ибо заварки почти не осталось, а ему хотелось выпить шестую чашку, — вышел из комнаты.

До обеда Стрейнджуэйс ходил по спортивным площадкам школы. Пытался, без особого, впрочем, успеха, представить себе, как они выглядели в День спорта, — беговые дорожки, флаги, зрители, стога сена. Сунул нос в кладовку Маулди и прикинул, как там могло обстоять дело с мешками. Кто-то их передвигал. Кто? Убийца? Но в таком случае зачем ему вообще понадобилось переносить тело на сенное поле? Почему, почему, да потому, дурачина несчастный, что ему надо было выиграть время. Он знал, что в кладовку, скорее всего, заглянут до начала соревнований, а на поле почти наверняка нет. Он знал. Ты уже исходишь из того, что убийца знаком с внутренним распорядком школы. Но, даже если согласиться с этим, главный вопрос остается без ответа. Когда все это было сделано? Ты веришь, что Майкл и его молодая возлюбленная невиновны; хорошо, в таком случае оста-

ется время между тринадцатью тридцатью и четырнадцатью тридцатью. Первые пятнадцать минут исключаются, если только убийство не было совершено, пока Гриффин и Маулди оставались на Большой площадке. Это было сочтено невозможным. Но так ли это? По словам Армстронга, стены, окружающие сенное поле, достаточно высоки, чтобы за ними можно было скрыться, и выходит, убийца был вполне способен сделать свое дело, оставаясь невидимым. Но все равно надо учитывать то обстоятельство, что либо преступник, либо жертва, либо они оба, направляясь из школы к сенному полю, оставались в поле зрения. Разумеется, Гриффин и Маулди могли в тот или другой момент отвернуться, но вряд ли убийца готов был на это рассчитывать – в конце концов, он же не от одного борта к другому бросается во время качки. Убийца, способный так хорошо замести следы, – явно не из тех, кто в самый критический момент полагается на удачу.

Думай. В самом ли деле два тридцать – точное время? По медицинским показаниям смерть наступила не позднее четырех. А может, убийство было все же совершено не во время состязаний? Право, если разумным кажется предположить, что преступник не стал бы рисковать, полагая, что его могут увидеть двое, то уж тем более дико думать, будто он рискнул быть увиденным двумястами, или сколько их там было, зрителями. Допустим, убийство произошло вовсе не у стога сена, а тело перенесли туда позднее. Скажем, во время всеобщего чаепития. Тогда следует признать, что преступник – человек не из школы, потому что местонахождение и учеников, и учителей после чая и до отхода ко сну известно. Все это прекрасно, но зачем, во имя всех святых, кому-то понадобилось тащить тело на территорию школы и прятать его в стогу сена? Бред какой-то. Стог сена. Зачем он вообще понадобился? Вот где надо копать. Если удастся понять, ради чего было совершено убийство или хотя бы почему тело было спрятано именно здесь, в таком необычном месте, в таком людном месте, в таком невероятном месте, ключ к загадке будет найден.

Найджел неторопливо пошел назад к школе, нарочно отодвигая этот критически важный вопрос в сторону и ставя на его место другие, не столь важные, в надежде на то, что вскоре он сам угнездится где-то в глубинах сознания и в свой час прорастет ответом. К тому же в непродолжительном времени его внимание оказалось привлечено к иным актуальным делам. Найджел был после обеда в комнате Майкла, когда в дверь раздался настойчивый стук, и в комнате оказалось чье-то тело, скорость появления которого в подготовительных школах обычно свидетельствует о том, что ему придала ускорение чья-то посторонняя сила, источнику которой не хотелось быть первым. Тело покрыло расстояние в несколько футов и при ближайшем рассмотрении оказалось Анструтером. За ним следовал Стивенс, всячески старавшийся сделать вид, что не имеет никакого отношения к бесцеремонному вторжению однокашника.

– Извините, сэр, – хором произнесли оба, и оба же остановились, дружно залившись краской.

– Говори ты, Стивенс, – предложил Анструтер.

– Извините, сэр, можем мы сказать несколько слов мистеру Стрейнджуэйсу?

– Пожалуйста, – дружелюбно улыбнулся Майкл старосте, отмечая про себя, насколько не сходится его природная скромность со сдержанной и тоже естественной надменностью, которая исходит от его тщедушной фигуры.

– Мы сочли своим долгом, сэр, – обратился подросток к Стрейнджуэйсу, – сообщить, что утром в день убийства Вимиса за столом старосты зашел о нем разговор.

Найджелу стоило некоторого труда сдержать улыбку при столь торжественном зачине, и Стивенс продолжал:

– Видите ли, сэр, в последнее время он превратился в чистое наказание, мерзкий клещ, право, и нам показалось, что пора его укоротить.

Майкл беспокойно поежился. Не дай бог, выяснится, что все это была слишком далеко зашедшая шутка. И что затеял ее именно Стивенс.

– Конечно, сами мы ничего не могли предпринять. Перси – мистер Вэйл – вряд ли стал бы на нашу сторону, если бы мы пожаловались на школьника, подначивающего учителя. Так что мы решили попросить разобраться с ним моего брата и его шайку.

– Ну и как, попросили?

– Я потолковал с братом во время перемены, и он пообещал, что вместе с парой-тройкой ребят отделает его после соревнований. Они называют себя «Черным Пятном», это нечто вроде тайного общества. Ребяческая затея, конечно, но им вроде нравится. – Стивенс говорил с некоторой долей снисходительности, как взрослый со взрослым, но в то же время в голосе его угадывалась чисто детская тревога. В этот момент Стрейнджуэйс мог запросто проиграть сражение. Встань он в строгую позу ментора или, того хуже, попытайся высмеять всю эту историю, как чувствительный Стивенс навсегда залез бы в свою скорлупу и нить событий, которая в конечном счете привела к раскрытию преступления, даже не начала бы разматываться. Но Стрейнджуэйс не был ни моралистом, ни слепцом.

– Ясно, – сказал он, – действительно вы с братом могли бы попасть в неловкое положение, и, я думаю, ты совершенно прав, рассказав мне все. И конечно, тебе совершенно не о чем беспокоиться. Мне и в голову не приходит считать тебя или брата убийцами. Но если у тебя есть еще что сообщить, был бы чрезвычайно признателен, и, можешь быть уверен, дальше меня это не пойдет, если только я не сочту совершенно необходимым поставить в известность полицию.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр. – Стивенс расплылся в благодарной улыбке. – Конечно, мой брат ни в чем не виноват. Но лучше бы он сам к вам пришел. Не то чтобы он испугался, но... как бы это сказать... решил, что вы сделаны из того же теста, что и этот полисмен Джонни.

– Я с большим удовольствием поговорил бы с твоим братом; как насчет второй половины дня?

– Сегодня его оставили после уроков, но он мог бы зайти к вам перед чаем, скажем, в половине пятого, если вам это удобно.

– А может, со мной выпьет чаю? Это возможно организовать?

– Уверен, будет только рад, сэр. Только вот не знаю, позволит ли мистер Вэйл, – с сомнением в голосе добавил Стивенс.

– Это я возьму на себя, – с непритворной мрачностью проговорил Стрейнджуэйс, и Стивенс с Анструтером вышли из комнаты, с робким восхищением поглядывая на Найджела. Они не подозревали, что вложили ему сейчас в ладонь один конец длинной и запутанной нити.

Глава 8

Посвящение в детективы

Стрейнджуэйс ожидал чаепития с некоторым любопытством. Он сходил в деревню, купил более или менее съедобное печенье и изрядное количество шоколада, а по возвращении отправился на поле для крикета, пребывая в том приятном состоянии эстетического подъема, смешанного с сосредоточенностью профессионала, которое любитель крикета разделяет только с любителем музыки и рыбаком. Посреди Большой площадки катали шары лучшие одиннадцать и противостоящая им вторая команда, усиленная Гриффином и Тивертоном. Во второй раз с момента появления в школе Найджел понял, что такое мастерство: Рэнч продемонстрировал его на уроке, Тивертон – на площадке. Этот человек был прирожденным крикетистом. Наблюдая за тем, как он со свойственной ему небрежностью расправляется с иными отнюдь не бездарными игроками, Найджел почувствовал, что готов, вне всяких доводов разума, исключить Тивертон из круга подозреваемых. Просто человек, владеющий клюшкой так, как он, не способен совершить столь гнусное и трусливое убийство. Кажется, прошло совсем немного времени, на протяжении которого Найджел, словно выпав из времени, оставался наедине с голубым небом, зеленой травой и красивой игрой, как он взглянул на часы и убедился, что до начала чаепития осталось всего десять минут.

Он поспешил, поставил кипятиться воду, выложил на стол еду и принялся ждать гостя. На самом деле их оказалось двое. Стивенс Второй сунул голову в дверь, в упор посмотрел на Стрейнджуэйса и спросил:

– Можно мне еще кое-кого позвать?

– Конечно, приводи, если хочешь.

– Спасибо, сэр, он уже здесь, за дверью.

Стивенс сделал шаг назад, и в коридоре послышался возбужденный диалог.

– Пошли, он говорит, можно.

– Да, но что скажет Перси?

– Да наплюй ты на Перси! Он будет делать то, что велит ему детектив, куда денется.

– А какой он из себя?

– Нормальный. Да пошли же! На столе там молочный шоколад.

– Ладно, нечего тянуть меня за уши.

Стивенс Второй переступил через порог, волоча за собой круглолицего краснощекого подростка, которого он представил следующим образом:

– Это Понсонби. Мой заместитель. Не споткнись о стол, олух ты эдакий.

Под воздействием печенья и шоколада Понсонби быстро стал самим собой. Диктатор же открыл огонь из всех орудий. Он оценил достоинства разных типов прохладительных напитков, полностью описал свою эскадрилью игрушечных самолетов и, обретая все большую непринужденность, пересказал несколько малоприличных историй из жизни преподавателей школы. Когда на тарелках ничего не осталось, он подвел итог:

– Классная закуска, сэр. Намного лучше, чем этот помоечный жир на картонных тарелках.

– Жир на картонных тарелках?

– Он имеет в виду бутерброды с маслом. Нам их дают к чаю по воскресеньям, – пояснил Понсонби.

– С маслом! – мрачно фыркнул Стивенс. – Окстись! Любой дурак скажет, что это маргарин, если не что похуже.

Найджел на корню пресек то, что грозило превратиться в лекцию о вкусной и здоровой пище:

– Ладно, давайте лучше о деле. Вы собирались рассказать мне что-то о Вимисе.

Стивенс сдвинул брови. Сейчас он очень походил на своего старшего брата, только выглядел более решительным и готовым к действию, – необработанный алмаз, потенциальный лидер.

– Не так-то это просто, – сказал он. – Видите ли, речь идет вовсе не о Вимисе. И если я заговорю, то выдам тайну «Черного Пятна».

– Наказание: изгнание или опала, – торжественно провозгласил его заместитель.

– Вот мы и подумали... может... если вы сами станете членом нашего общества...

– Это было бы для меня большой честью, – едва не подхватил Стрейнджуэйс, но вовремя остановился, сообразив, что Стивенс не из тех, кто с готовностью принимает вежливость взрослых.

– Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

– Беда в том, что, перед тем как быть принятым в наши ряды, надо сдать экзамен, – неуверенно продолжал Стивенс.

– Экзамен?

– Ну да. Нечто вроде испытания. Чтобы доказать свое мужество и все такое прочее.

– А разве я не могу пройти такое испытание?

– Понимаете ли, сэр, мы проделываем довольно забавные штуки. Они хороши для ребят нашего возраста, но не думаю, что понравятся взрослым, – признался реалист Стивенс.

– А может, сделаем его почетным членом? – предложил Понсонби.

– Заткнись, Понго, а то я сам об этом сразу не подумал. Так что не высовывайся.

– Да нет, если не возражаете, мне хотелось бы войти в общество по всем правилам, – возразил Стрейнджуэйс, делая таким образом, как выяснится впоследствии, шаг, который приведет его к раскрытию преступления.

– Класс! Круто! Вы уверены, что не передумаете, сэр? Тогда испытание можно было бы пройти уже завтра. За ночь мы все подготовим.

– Это будет такое же испытание, как у всех?

– Видите ли, сэр, мы для каждого кандидата придумываем что-то новое. Так интереснее. Но, в общем, да, у всех примерно одно и то же. Утром вы получите инструкции и, когда закончите, отчитаетесь передо мной, то есть... – мальчик смущенно запнулся. У любого диктатора есть предел диктатуры.

Стрейнджуэйс сделал вид, что ничего не заметил, и стороны договорились о месте и времени следующей встречи. С этого момента и до того, когда пришел час прощаться, Стивенс отбросил все свое формальное достоинство, и оба, он и Понсонби, вышли из комнаты, взбадривая себя громкими выкриками: «Огромное спасибо, сэр!», «Мы вам ужасно благодарны, сэр!», что заставило Найджела почувствовать, будто он даровал им половину царств всего мира. Члены общества едва закрыли за собой дверь, как Стивенс снова сунул в нее нос и прошептал: «Сэр, вы ведь никому не скажете про испытание, правда? Это должно остаться в секрете».

Найджел заверил его, что так и будет, хотя нельзя сказать, что сам был в этом вполне уверен. Подросток сказал, что речь идет вовсе не о Вимисе. Это само по себе плохо, а тут еще приходится тратить драгоценное время на дурацкий, скорее всего, ритуал инициации. И тем не менее интуиция, которая не раз выручала его раньше, подсказывала, что становится теплее.

Если ложился он в ту ночь с ощущением неясной тревоги, то бумага, которую вложили ему в ладонь, когда он на следующее утро шел к общему залу, и вовсе привела его в панику. Нет, это уж слишком, подумал он, читая и перечитывая полученные инструкции. Право, вечером я вполне могу оказаться в тюрьме. Это был смятый клочок бумаги, вырванный из школьной тетрадки, с массой отпечатков пальцев, что делало его подлинной находкой для

специалистов по дактилоскопии. Наверху была круглая чернильная клякса, что, несомненно, и означало «черное пятно»; под ним тщательно, крупными буквами, было выведено:

ЕСЛИ ТЫ ЖЕЛАЕШЬ СТАТЬ ЧЛЕНОМ НАШЕГО ДРЕВНЕГО ПОЧЕТНОГО ОБЩЕСТВА «ЧЕРНОЕ ПЯТНО», ТЕБЕ СЛЕДУЕТ СЕГОДНЯ ДО ДВУХ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ СДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ:

- 1. Пририсовать мелом усы нимфе на фонтане в Сэдли.*
- 2. Попросить Хиггинса, жителя вышеупомянутой деревни, показать тебе свои знаменитые весы и представить их описание.*
- 3. Убрать силки для кроликов из птичника лорда Эджворта и удерживать их вплоть до востребования со стороны общества. N.B. Деяния следует совершать строго в указанном выше порядке.*

P.S. Если ты уклонишься или не сможешь выполнить хоть одно из указанных выше заданий, вход в общество для тебя закрыт.

R.P.S. Сожги эту бумагу. И если ты раскроешь ее содержание или хотя бы какую-либо его часть, либо вообще что-то, относящееся к деятельности «Черного Пятна» хоть единой живой душой, ты будешь помечен «Черным Пятном», и снисхождения не жди.

R.I.P.¹⁴

(Подписи) – кавалеры Общества

От этой околесицы, свидетельствующей как о широкой начитанности, так и о находчивости автора, у Найджела капли пота на лбу выступили. Если и впрямь попытаться «осуществить и содейть» указанные подвиги, то, подумал он, тюремная камера или палата ближайшей психушки тебе обеспечена. Но склонность к авантюре, которая всегда влекла его в самые странные места, и на этот раз сама приняла за него решение. Он поднес спичку к зловещему документу и пошел на поиски велосипеда, хоть каких-нибудь сведений о «птичнике» лорда Эджворта и куска мела. На велосипеде – самом старом из тех, какой можно было одолжить, – Найджел остановился, потому что на случай бегства надо было иметь хоть какое-то средство передвижения, а автомобиль уж слишком бросается в глаза. Владения лорда Эджворта, как удалось выяснить Найджелу, находились в паре миль от школы, с противоположной стороны деревни; от леса, в котором нес свою бесплодную вахту Уркарт, их отделял забор. Представляли они собой, как ему тоже растолковали, лакомое местечко для местных браконьеров, да и юные джентльмены – питомцы мистера Вэйла, тоже, возможно, туда заглядывали. Правда, их ревностно охраняли сторожа. В общем, подумал Найджел, действительно, вполне можно сказать: R.I.P.

Отправился он в путь вскоре после десяти. Теплая утренняя дымка, готовая вот-вот уступить место палящему солнцу, указывала на то, что испытание окажется трудным не только душевно, но и физически. Велосипед тоже поскрипывал, как старый ревматик, Найджел не мог отделаться от впечатления полного контраста между его плебейской рамой и собственным, пусть довольно поношенным, но все же изысканным костюмом. Как только вдали показалась деревня, Найджел непроизвольно замедлил ход. Розыгрыши и разного рода чудачества хороши в свое время, но безумие в здравом рассудке – это совсем иное дело. Тревога перешла в настоящую панику, когда Найджел добрался до зеленого сквера посреди деревни. «Нимфа» оказалась внушительных размеров дамой неопределенного возраста, чьи прелести скрывались до некоторой степени за краской, именуемой ярь-медянкой; в непригнутой позе она возвышалась посреди довольно просторного и малопривлекательного на вид водоема. Мало того, на парашюте, окружающем водоем, расположилась стайка мест-

¹⁴ Requiescat in pace (лат.) – да почиет в мире.

ных парней. Найджел едва удерживал себя от того, чтобы повернуть назад, единственное, что его останавливало, было стоящее перед его внутренним взором лицо Стивенса Второго, который смотрел на него с упреком. Что скажет этот неустрашимый молодой человек, если великий детектив вернется на щите? Он встряхнулся, прислонил велосипед к стене и подошел к молодым людям.

– Доброе утро! Славный денек.

– Ну.

– Мистер Хиггинс где-то поблизости отсюда живет?

– Ну. У него магазин в конце улицы.

– Слышал, в здешних краях убийство недавно произошло. Грязное дело.

– Слышь, Берт, детектив, мистер из Лондона, говорит, «слышал, у вас тут убийство произошло, грязное дело». Во сказанул.

Хриплый гогот. Молодой человек отхаркался, и плевок полетел прямо в соблазнительницу-нимфу. Найджел последовал его примеру. Мысли метались у него в голове.

– А я и не знал, что вы слышали обо мне.

– Улики нашли, мистер?

– Да как сказать. Кое-что есть, но дело движается туго.

– Мистер детектив спрашивает, здесь ли живет мистер Хиггинс. Он хочет заарестовать мистера Хиггинса. Ясно? – сделал логический вывод кто-то из присутствующих. – Но мистеру детективу надо держать ухо востро. По субботам мистер Хиггинс всегда напивается, и утром в воскресенье к нему лучше не подходить. В ключья порвет.

– Да нет, не собираюсь я никого арестовывать, – заверил публику – к видимому ее разочарованию – Найджел. – К слову об уликах. Я тут ищу кое-что. Очень нужно. Готов дать пять шиллингов тому, кто мне поможет. – Начиная с этого момента, Найджел явно завладел аудиторией. – Так как, парни, кто-нибудь хочет заработать пять шиллингов?

– А что надо-то, мистер? Мы всегда.

– Очень любезно с вашей стороны. По моему предположению, молодой человек был убит на пути отсюда в школу. Исчез его носовой платок, и если моя версия верна, он должен валяться где-то в овраге, или на обочине дороги, а может, в кустах, – вдохновенно фантазировал Найджел. – Одному искать слишком долго, а в полицию обращаться не хочется, там сейчас и без того дел по горло. За этот платок пяти шиллингов мне не жалко. Если кто-нибудь отыщет его, несите в школу, меня вы там в любой момент застанете. – Последние слова прозвучали уже в пустоте, ибо группа растаяла, как снег на солнце, и устремилась прочь из деревушки.

В сквере, кажется, никого не осталось. Найджел перебросил ноги через парапет и пошлепал по мутной воде к нимфе. Он заглянул ей за плечо, испытывая смутное ощущение человека, собирающегося нагадить в Гайд-парке. К счастью, Найджел был слишком близорук, чтобы увидеть, как за окнами по краям водоема раздвигаются занавески и в них появляются лица людей, проявляющих явный интерес к тому, чем это там занят «мистер детектив из Лондона». Многочисленны и жарки были споры на протяжении ближайших двух дней на крылечках домов и в барах, – жители деревни все пытались докопаться до подлинного смысла деятельности вышеупомянутого господина. Одна сторона настаивала на том, что он ищет в водоеме тела других убитых, другая утверждала, что соблазнительница-нимфа навела детектива на какой-то важный след в разгадке тайны. Густые белые усы, которые появились над ее верхней губой после отступления насквозь промокшего детектива – и которые, с его точки зрения, лишь сделали ее более привлекательной, – ревностно содержались в полной неприкосновенности и с гордостью демонстрировались проезжающим как одна из местных достопримечательностей. Школьники Сэдли-Холл, прошагавшие полчаса спустя в сторону церкви, отметили перемены во внешности нимфы с нескрываемым восторгом. И

так все и оставалось – тайной для всех, за вычетом трех персонажей, – до тех пор, пока много дней спустя не раскрылась другая, более значительная тайна; до тех пор, пока не пошли дожди, и усы постепенно стерлись, и нимфа обрела свой изначальный женственный вид.

...Найджел сунул кусок мела в карман и обернулся. Двадцать пар глаз мгновенно исчезли за шторами, а он вылез из водоема и повел велосипед в сторону очередного приключения, к «мистеру Хиггину, жителю вышеупомянутой деревни». Найджел испытывал такое облегчение от того, что ушел от нимфы, оставшись свободным человеком, что упустил бросающуюся в глаза связь между характером жилища мистера Хиггина и объектом второго своего испытания. «Весы, – подумал он, – описание последних». Это всего лишь тест на наблюдательность, это так же просто, как выпить чашку чаю. Найджел постучал в дверь. Открылась она по прошествии довольно долгого времени, и на пороге возник огромных размеров лысый мужчина с налитыми кровью глазами, явно пребывающий в дурном настроении и едва одетый.

– По воскресеньям моя лавка не работает, – буркнул он. – А вы, любители покататься, только позорите наши края, черт знает чем по воскресеньям занимаетесь, да еще и выходите в чем мать родила.

– Вы меня не за того приняли, мистер Хиггинс, – добродушно возразил Найджел. – Никакой я не велосипедист, и если вы присмотритесь чуть внимательнее, то убедитесь, что хожу я отнюдь не голышом, скорее наоборот. Да и далеко ли доберешься на этой жуткой колыхаге, что мне выдали за велосипед?

– И что вам в таком случае от меня надо?

– Видите ли, я заехал пожить в ваших краях, и мне сказали, что перед возвращением я должен непременно взглянуть на ваши знаменитые весы. Был бы весьма признателен, если...

Явно встревоженный, Найджел осекся. На его глазах лицо мистера Хиггина переживало целый ряд стремительных цветовых трансформаций, напоминая то помидор, то свеклу, то темную сливу. Хиггинс громко поперхнулся, надвинулся на Найджела и проревел:

– Ах, вот ты кто, очередной инспектор, мать твою! Ну так я тебя сейчас проинспектирую!

В цепких пальцах мистера Хиггина остались две пуговицы и несколько лоскутов ткани, а Найджел вскочил на велосипед и что есть сил помчался назад, в сторону, откуда приехал, клянясь отомстить Стивенсу за то, что тот отправил его в лапы этого жуликоватого лавочника. Впрочем, отъехав на расстояние, где вопли последнего были уже не слышны, он подумал, что со стороны мальчишки это был вовсе не розыгрыш. Просто свойственное подросткам живое, но строго ограниченное в пространстве воображение, скорее всего, подсказало Стивенсу, что Стрейнджуэйс в курсе всех местных сплетен, так что второй подвиг, с точки зрения главаря общества «Черное Пятно», требовал не меньшей отваги, чем первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.